

Евгения Микулина

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖЕНЩИНА-ВАМП:
ВАМПИРСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Евгения Микулина
Наблюдатель. Женщина-
Vamp: вампирская трилогия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169111

ISBN 9785449079473

Аннотация

Влад и Марина счастливо живут вместе, несмотря на все различия и трудности. Однако их жизнь осложняет череда непонятных преступлений в среде московской богемы. Опасность грозит всем, тем более что в преступлениях, возможно, замешан близкий друг молодых людей – загадочный Серхио.

Содержание

НАБЛЮДАТЕЛЬ / ВКУС СМЕРТИ	5
БЕЗУПРЕЧЕН	
Пролог	6
1	29
2	48
3	62
4	90
5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	135

**Наблюдатель
Женщина-Vamp:
вампирская трилогия**

Евгения Микулина

Дизайнер обложки Екатерина Матвеева

© Евгения Микулина, 2018

© Екатерина Матвеева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7947-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАБЛЮДАТЕЛЬ / ВКУС СМЕРТИ БЕЗУПРЕЧЕН

*«Опять стою, понутив плечи, не отводя застывших глаз:
как вкус у смерти безупречен в отборе лучших среди нас!»*

Игорь Губерман

Пролог

Сон отступает не сразу: несколько секунд, может с минуту я пребываю в сумеречной зоне. Хотел было сформулировать, между чем и чем. Ну там, между сном и бодрствованием, тьмой и светом, небом и землей, все в таком роде. Но теперь понимаю: уточнять что-либо – от лукавого. Сумеречная зона – в любом случае место «между». И сегодняшнее утро – момент, с которого мое пребывание в этом «между» можно считать официально начавшимся.

Вчера вечером решила моя судьба. Пафосно звучит, я понимаю, но как еще скажешь? «Вчера вечером любимая женщина согласилась разделить со мной жизнь?» Тоже пафосно, даже хуже как-то. И что особенно обидно – не просто пафосно, а еще и не совсем верно. Потому что не описывает всей, хм, сложности ситуации. В которой и женщина на совсем обычная, и жизнь не совсем жизнь. Только одно верно, неизменно и совсем не сложно. Слово ЛЮБИМАЯ. Это – бесспорно. Женщина, которая дремлет рядом со мной в кровати, – моя любимая.

Некоторое время я лежу в постели, не открывая глаз, и лениво прислушиваюсь к городу за окном. Я помню, как просыпался после другой судьбоносной ночи, первой ночи, которую мы с Мариной провели вместе. Я тогда удивлялся тому, как холодна, несмотря на уют смятых простынь, ее кожа.

Слушал шум московских улиц, смотрел в незнакомый потолок Марининой квартиры на Покровке и все не понимал, на каком я свете, и правда ли то, что между нами произошло. Или, может, мне все приснилось.

Сейчас все похоже – и все по-другому. Звуки за окном отличаются: Лондон – не Москва, да и районы совсем разные. Одно дело шумная Покровка, другое – тихий и снобский Холланд-Парк. Обстановка тоже другая: интерьер у Марины, правда, и в России и в Англии выдержан в белых тонах, но тут все как-то строже и помпезнее. Не так уютно. Может, потому, что она бывает здесь не часто. А может быть, московская квартира по определению кажется мне уютной, ведь мы провели с ней там много счастливых часов, и все стало... родным и правильным. МОИМ.

Тогда Марина проснулась раньше меня. Открыв глаза, я встретил ее пытливый, настороженный взгляд: в необыкновенных вишневых глазах плескалось столько вопросов, и прикосновение хрупких холодных рук было таким осторожным, словно она боялась меня спугнуть. Она-то, в отличие от меня, понимала, как странно то, что между нами происходит. И она волновалась, конечно – пыталась понять, не ошиблись ли мы. Готовила себя к разным реакциям с моей стороны... Короче, она не спала. Сегодня не так. Сегодня она – живая иллюстрация классики: «на заре ты ее не буди, на заре она сладко так спит». Вытянулась рядом со мной во весь свой крошечный рост, уткнулась лицом в подушку,

и держит меня за руку. Даже во сне. Ей тоже спокойнее, от того что в нашей жизни появилась какая-то уверенность. Но совсем расслабиться она, конечно, не может.

Но главное, что отличает сегодняшнее летнее утро от того ноябрьского – мое состояние. Тогда я переживал случившееся со мной чудо, но был не уверен в будущем. Откуда мне было знать, что меня ждет? Я не знал, любит ли она меня, или я ей «просто нравлюсь». Я даже не знал, люблю ли я ее, по-настоящему. Я понятия не имел, кто она такая на самом деле. И уж точно не имел ни малейшего представления о том, как все у нас и вокруг нас сложно устроено.

Теперь не так. Теперь я знаю все, и готов ко всему. Я немножко мудрее, и гораздо печальнее. Я люблю с открытыми глазами. И это придает мне сил, которые, честно говоря, понадобятся для того, чтобы справиться с нашим счастливым будущим.

Определенно, есть плюсы в том, чтобы взглянуть на свою жизнь и сказать: я точно знаю, как все запутано. Проще не становится, но ты хотя бы видишь всю картину в целом. Можно даже улыбнуться сюрреализму ситуации.

Вот он я, Владимир Потоцкий, более известный миру (ну ладно, не миру, а узкому кругу своих друзей) под пижонским прозвищем Влад. Мне двадцать семь лет. Я работаю арт-директором мужского модного журнала Alfa Male. Это крутой журнал, лучший на рынке в своей нише. Работать в нем приятно, и было приятно всегда. Ровно год назад, впрочем, я

так не думал. Моего уважаемого главреда, веселого пьяницу Михалыча, наше лондонское начальство внезапно уволило, и нам спустили сверху гламурную суку по имени Марина Леонова. Красивую, как богиня, и противную, как... ну как «плохая» героиня в каком-нибудь сериале. Сначала я хотел уволиться, чтобы только не находиться с ней в одной комнате. Потом влюбился так, что не могу без нее дышать. И мне повезло: она ответила мне взаимностью. Впустила меня в свою жизнь. Ура. Всем хорошо. Все счастливы.

Если так излагать, ситуация не то что простая, а прямо-таки банальная.

Но только вот простого во всем этом на поверку не оказалось... вообще. Никогда я не был фанатом романа «Мастер и Маргарита», он мне кажется слишком пафосным. Но чего у завязавшего морфиниста Булгакова не отнять, так вот того особого взгляда на реальность, когда за внешним словом вдруг раскрывается Иное. Вроде люди болтают на пыльном московском бульваре – а один из них, оказывается, Дьявол. Идет себе трамвай – а Аннушка уже пролила подсолнечное масло. Шел трамвай десятый номер, на площадке кто-то помер... Коты разговаривают, и превращаются в грустных пажей. И зарево заката над домом Пашкова скрывает толпу сверхъестественных существ, которые сидят на крыше, смотрят на город и ждут ночи. Вот это ощущение, что до потустороннего рукой подать, стоит только расслабиться на минутку, и оно уже напрыгнуло... Это мне у Булгакова

всегда нравилось. Только я искренне полагал все-таки, что он писатель и просто некоторую метафору написал. О многослойности жизни, типа.

Мне и в голову не приходило, что нечто подобное может случиться на самом деле. Может случиться со мной. Так вот поди ж ты – случилось.

Весь мой мир, все мои представления о реальности и даже о собственном мозге изменились как-то ночью в январе, когда я, пьяный в стельку, наткнулся в московском переулке на стаю бродячих собак. Которых я совершенно не по-мужски боюсь. И я уже вроде как простился со своей никчемной жизнью, когда из тьмы ночной вышла моя возлюбленная – Марина. И, прыгая по стенам и рыча, всех собак перегрызла. А потом вынуждена была, глядя в мое изумленное лицо, сообщить, что она не просто сказочной красоты молодая женщина. Она – вампир.

Нет, ну серьезно, как можно справляться с такого рода поворотами судьбы? Для начала пробуем осмыслить, с точки зрения марксистско-ленинской теории устройства материального мира, сам факт: вампиры ЕСТЬ (и они не могут не есть, ха-ха, знаете ли, ха). Они живут вне книжек из серии «Сумерки», и голливудского целлулоида, и песни Энни Леннокс «Come into these arms again» из саундтрека к фильму «Дракула Брема Стокера». Классная, кстати, песня, всегда от нее мурашки по коже. Нет, это все чухня, художественный вымысел. Но вампиры и правда существуют. Пьют кровь –

не всегда человеческую, иногда вот на собак охотятся. Они быстрые, сильные, мертвые. Их сердца бьются со скоростью один удар в минуту. У них холодная кожа, раны на которой мгновенно затягиваются. У них вишнево-красные глаза – у всех, очень похожие, это видимо как-то связано с их природой. Им начхать на чеснок, серебро и кресты, но они боятся солнца – оно не убивает, но причиняет им боль.

ОК, допустим, Аннушка пролила свое масло, и в вампиров мы поверили. Теперь сильнее ударим, ладно? Они не просто где-то бродят, эти вампиры. Ты любишь одного из них. Твоя девушка, твоя любимая девушка, которую ты целовал во все возможные места, и десятки раз за последние месяцы любил на всех предметах мебели в квартире... Она вампир. Пьет кровь. С удовольствием выпила бы твоей, вообще-то. Ей двести с чем-то – она была бы старше Пушкина, будь он жив. А черт его знает, кстати, может он и жив – может, он тоже вампир? Нет ничего невозможного в этом непростом мире.

Не знаю, что сделал бы на моем месте нормальный человек, попав в такой переплет. Сбежал бы со всех ног, наверное. Я-то попрощался с мыслью о нормальности довольно давно. В тот момент, когда, подобрав с пола отвисшую челюсть, понял вдруг: мне странным образом все равно, что Марина вампир. Мне все равно, что она существо иной, нечеловеческой, физической природы. Я просто люблю ее – то, что она есть. Чтобы это ни было.

После того, как твой мозг принимает такого рода факт, остальное уже мелочи. Ты на ура проглатываешь и то, что вампиров вокруг пруд пруди. Твой лондонский начальник, хозяин издательства Грант Хэмилтон – вампир (Шотландия, XII век, смотрите внимательнее фильм «Горец», это типа про него). Его подружка Ванесса – вампир (Нью-Йорк, 1990-е годы – модельный бизнес, наркотики, заблуждения, потом – любовь бессмертного). Модельер Стас Чепраков, он же владелец популярного клуба «Дети ночи» – вампир (про этого не знаю точно, откуда он взялся, Восточная Европа XVIII века, кажется). Музыкальный критик Сергей Холодов, лучший друг твоей девушки, к которому ты ее жутко ревнуешь – испанский вампир по имени Серхио (Мадрид, XVI век). Все эти, хм, люди реально живут с тобой в одном городе. Выпивают, танцуют, на работу ходят. Есть еще и другие. Есть, например, вампир – полковник прокуратуры. ДРАКУЛА есть. Реально, есть настоящий граф Дракула – в Париже проживает, в данный период времени. Он даже убил твоего кота...

Они живут рядом. Они впускают тебя в свой мир, потому что их «сестра» тебя полюбила. И для тебя начинается странная жизнь: одной ногой в той реальности, где пыльный бульвар. Другой – там, где коты с примусами бегают. Как было сказано в каком-то школьном сочинении, «одной ногой он стоял в могиле, а другой приветствовал будущее». Это вот – в точности про меня.

От такой жизни можно повредиться умом. От нее можно

и телом тоже повредиться. Я вот, в результате своего романа с Мариной, сначала оказался жертвой хронического переутомления: ей надо спать всего три часа в сутки, это раз. А два... простите за подробности, но столько трахаться – выше человеческих сил. Потом меня подстрелили, я сломал три ребра и пережил остановку сердца. А потом я чуть не сдох от тоски, когда она меня, для моей же пользы, чтобы, видите ли, убереечь от опасностей и неминуемой смерти, бросила.

Я всегда боялся, что бросит, всегда знал, что так будет, и даже не представлял, насколько будет больно. Много, много раз, глядя в ее влюбленные глаза, я осознавал: она со мной не навсегда. По разным причинам. Во-первых, не может быть, чтобы банальный и обычный я привлек ЭТО совершенное и бессмертное существо так сильно, чтобы не надоест рано или поздно. Во-вторых – даже если вдруг мне бы повезло, и мне досталось «поздно», а не рано... Даже если так – есть еще такая мелочь, как старение и смерть. Даже если мы будем вместе, она навсегда останется юной и прекрасной. А я облысею, отращу брюхо, потеряю зубы и сдохну. Ну это уже после того, как она меня бросит, потому что смотреть на меня лет эдак в шестьдесят ей будет противно. В-третьих... Нехорошо так говорить, и даже думать так некрасиво, но что поделаешь – думал. Думал о том, что мертвое существо, имеющее за плечами неосмысляемый моим двадцатисемилетним мозгом опыт, не может меня на самом деле ЛЮБИТЬ. Само понятие любви для нее должно, просто обяза-

но быть другим. Невозможно отдать кому-то сердце навеки, если знаешь точно, по опыту, что ничто под луной не вечно.

Для меня, человека, «вечность» – просто слово. Для нее, вампира, вечность – просто... процесс. В котором нет и не будет для меня места. Потому что Марина не хочет делать то единственное, что могло бы несколько уравнивать наши шансы. Она не хочет меня обращать.

У нее есть свои резоны. Она, как и положено честно-му, порядочному, страдающему совестью вампиру убеждена, что вампиризм – проклятие. Что есть в этом... состоянии что-то противное природе. Наверное, она права, так и есть, в любом случае ей лучше знать. Но мне, наблюдающему ее и ее друзей со стороны, в проклятье как-то не верится. Нормальные они чуваки все, в сущности. Ничего такого особенно демонического.

Но, серьезно, ей лучше знать. Потому что она говорит из опыта своего собственного обращения. Для НЕЕ обращение стало проклятьем. Потому что превратил ее в вампира, против воли, мерзавец, которого она искренне считает дьяволом во плоти. Это случилось в 1812 году: капитан французской кавалерии Этьен Дюпре влюбился в замужнюю русскую дворянку, в усадьбе которой квартировал его полк. Он убил ее мужа – у нее на глазах. Изнасиловал ее. И увел в ночь – сделал своей «вечной невестой». Дракула недоделанный – у самого графа, кстати, хватило совести ничего подобного не делать.

Да, Марина сбежала от «мужа» – и отомстила ему, убив каким-то дико сложным способом, включающим кол в сердце и серьезный пожар. Но ясно, что неприятный осадок остался. Она не желала себе «вечной жизни». И искренне верит, что и никто желать не может. Она поклялась никого, никогда не обращаться. Меня – в особенности.

И самое смешное, что отношения меня она в чем-то права. Я и правда не стремлюсь к вечной жизни. Само по себе бессмертие, по-моему, ценность еще та: не хотелось бы оказаться в ситуации, когда умереть в принципе невозможно. И особого влечения к крови и желания быть могучим двуногим хищником я тоже не ощущаю. Мне бессмертие нужно только по одной причине – чтобы быть с ней. Чтобы никогда ее не потерять. Если уж мне так повезло, и мне досталась идеальная женщина, которую я бы никогда иначе не встретил и которая, благодаря наличию в мире говорящих котов, французских мерзавцев-кровососов и прочей мистики оказалась перенесена в мое время... Если уж так случилось, не хотелось бы расстаться с ней только потому, что смертен.

Да и ей, как мне кажется, будет без меня скучно, когда я склею лапы.

И она это, кстати, знает. Поэтому и сбежала: испугалась, больше всего, соблазна меня обратить. Когда я имел свою остановку сердца, она была очень близка к тому, чтобы нарушить клятву, обречь меня на проклятие вечной ночи, лишить возможности продолжить свой род, и все такое прочее.

Продержалась она не долго. Но может продержалась бы и дольше, если бы я не приехал с сугубо человеческим упрямством, ее уговаривать... Попытался сказать, что надо принять себя, принять меня и... жить жизнь.

И вот тут мне досталось чудо, куда более эффективное, чем все великолепные иллюзии Воланда и даже обретение Мастером долгожданного покоя.

Марина меня послушала. Она мне поверила. Она решила рискнуть.

Бог знает, почему. Может, сильно соскучилась. Может, поняла, что полезная терапевтическая разлука доставляет нам обоим такую боль, что лучше умереть, чем так мучиться. Она говорила вчера, между поцелуями, заливая мне майку слезами, что не простила бы себя, если бы вдруг от расставания с ней я пошел в разнос и причинил себе вред – в общем, пострадал бы от ее желания сделать, как лучше. Что-то такое она мне говорила про то, что, не будь Джен Эйр такая максималистка и ханжа, у мистера Рочестера руки-ноги были бы целы. Сравнение не из моего арсенала, я в дамских романах не силен, но понимаю, что она имеет в виду.

Может, просто, неведомые мне механизмы бессмертной любви все-таки оставляют вампиров такими же ранимыми и жаждущими сказки, как люди. Сказал же мне как-то ее рыжий приятель Серхио, что живой мертвец не может разлюбить, потому что не может ИЗМЕНИТЬСЯ. Их любовь – навсегда.

Я не знаю, как мне удалось убедить ее, что нам надо быть вместе, не загадывать на будущее, и пусть все будет как будет. Но убедил. И теперь мне самому нехило было бы осознать, во что я ввязался. Чего добился. За что боролся, на то и напоролся, верно? Ну вот я пока не очень знаю, на что напоролся. Я так был сосредоточен на достижении цели, что думать было некогда.

Сейчас, когда она спит на моем плече, я могу и подумать.

Какой странный, бешеный у нас вчера получился вечер! Сначала я нашел ее в застывшем в пелене тумана Кенсингтонском саду. И сердце мое перевернулось, когда я увидел, как она тоскует – и как решительно настроена меня оттолкнуть. Она плакала. Целовала меня. Попыталась отговорить. Но я знал – видел по ее глазам: не сможет. Не отговорит. Не оттолкнет. Потому, что сама сдалась.

Может, она просто действительно любит меня.

Она сделала последнее усилие, когда объяснила мне, что именно я потеряю, любя, как она выражается, «женщину, которая не может подарить жизнь». До того, как Этьен погубил ее, Марина была счастливой матерью двоих малышек. Они выросли, у них тоже родились дети и внуки, а потом и правнуки, и так далее. Теперь у Марины десятки потомков по всему свету, и она следит за ними – помогает им иногда. Она показала мне одну из своих подопечных – девочку-подростка по имени Энни, нормальную лондонскую дурочку-школьницу, разве только почему-то похожую на Ма-

рину до неправдоподобия. И объяснила: такая вот Энни, и ей подобные – то, чего никогда не будет у меня, если я стану жить с ней.

Дети. Марина переживает, что я покину сей мир, не оставив потомства.

И нет никакого способа объяснить моей бедной вампирше, для которой вопросы материнства и детства важны, что я... мужик. Ну то есть я не испытываю, как некоторые, панического страха перед перспективой стать когда-нибудь отцом. Но точно не сижу ночами, мечтая услышать топот маленьких ножек. Мне это в принципе фиолетово, и уж точно не заставит отказаться от любви к ней.

Может, у меня винтов в голове недостает. Может, это просто нормальная мужская реакция. Женщина, которую я люблю, для меня важнее каких-то абстрактных упущенных возможностей. И это, по-моему, довольно просто понять.

Так что, возможно, я и не прав, когда думаю, что у нас с Мариной «все сложно». Не так уж и сложно, получается. Есть некая система ценностей, и в этой системе есть приоритеты. Мой приоритет – она. Быть с ней. Эгоистично? Может быть, не спору. Марина говорит, что эгоизм – преимущественно вампирское качество. Ну если так, то я пока что веду себя гораздо более по-вампирски, чем она. Она-то идет, так сказать, тропой бескорыстной любви.

Не хочу я, честно говоря, тратить свои силы и время на размышления: кто из нас более безумен или эгоистичен,

кто чем жертвует, кто больше приобретает. За последний год своей жизни я узнал много важного. Что любовь существует, например, – между прочим в ЭТО поверить было не легче, чем в вампиров. Как пел нам старый добрый Джордж Майкл, «When you find a love, when you know that it exists...» Когда ты находишь любовь, узнаешь, что она бывает, и что она случилась с тобой... Это меняет тебя. Навсегда. По-моему, это круче обращения. И я думал, конечно, о том, что в моей любви к Марине есть что-то ненормальное – что я заморожен ею, околдован, как герой другой странной песни... Что я иду вдоль по улице за своей Метелицей, женщиной с бледным холодным лицом, от которой не могу оторваться. Я звал ее когда-то, в самом начале нашей любви, Снегурочкой – я знал, что у нее холодные руки, и все мечтал проверить, вся ли она так же холодна. Я узнал. Да, у нее холодная кожа. И очень горячее, очень живое сердце – странно даже, как это она не тает. И ровно потому, что я знаю, какое живое у нее сердце и какие теплые слезы, мне и кажутся такими смешными ее разговоры о том, что она типа «мертвая женщина». Глупая она у меня, хотя ей и двести с хвостиком.

Я не хочу сейчас думать лишнего. Я хочу вспоминать, как мы с Мариной, все обсудив и крепко поплакав, дали друг другу наконец обещание не терзаться больше понапрасну. Как целовались в ее машине, слушая стук дождевых капель: на улице начался самый настоящий ливень. Как оторвались друг от друга, хохоча – оба понимали, что ведем себя неле-

по, обнимаясь в машине, как подростки, в то время как у нас целая совместная жизнь впереди.

Отсмеявшись, мы поехали к ней домой – особняк у нее тут, в Холланд-Парке, просто замечательный. Особенно в нем хороши ковры на полах. Диваны. Ступеньки лестницы. Ну и кровать. Больше – кроме ковров и прочей мебели, на которую можно прилечь, – я ничего толком не разглядел. А что вы хотите? Мы не виделись почти два месяца. Я не целовал ее два месяца. Я почти забыл, как мне нравится в ней все, от аромата волос, который не описать, до вишневых глаз, до вкуса ее поцелуев. Она говорит, что мертва, что ее поцелуй – это поцелуй смерти. Значит, я знаю вкус смерти. И он нравится мне – нравится до безумия. Он... безупречен, вкус моей смерти.

Подумать только – я почти забыл, как горит от прикосновения ее ледяных пальцев моя кожа. Почти забыл, как неутолима моя жажда БЫТЬ с ней.

Я думаю иногда, что эта жажда мучительней, чем ее тяга к крови. Марина может есть раз в неделю. Я не могу прожить без ее поцелуя даже пару часов.

Сегодня утром погода поменялась. Вчерашнего ливня словно и не было – небо, которое я вижу в окне краем глаза, синее-синее. И какое-то очень чистое. Словно дождь, простите за банальность, смыл всю муть и серость с мира. Утро моей новой жизни, жизни между человеческим и потусторонним миром, оказалось солнечным и светлым. В этом есть

ирония: Марина не вносит солнца. Но с точки зрения всяких общих метафор то, что природа приветствует наше воссоединение улыбкой, все-таки хорошо. Ну так мне, человеку, кажется.

Марина что-то бормочет во сне, и слегка шевелится – поворачивается так, что я могу смотреть на ее прекрасное, даже во сне счастливое лицо, и шею, и обнаженную грудь. На ее бледной коже тускло поблескивает мой подарок – антикварная гранатовая подвеска. Я купил ее для Марины на Новый год, еще не зная, кто она и что – купил потому, что цвет камня напомнил мне цвет ее глаз. Я не прав, называя их все время вишневыми – они гранатовые, на самом деле. Мне так приятно, что она носит эту вещицу – что, даже пытаюсь расстаться со мной, она носила на себе эту выбранную мной интуитивно гранатовую каплю. Она похожа на капельку крови, эта подвеска.

Я искренне готов буду, если что, отдать Марине свою кровь. Вот и хорошо, что ее шее всегда украшает молчаливое напоминание об этом.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться кончиком пальца камня на ее шее. А потом поглаживаю кожу рядом. Я не хочу нарочно будить ее – на заре она сладко так спит – но я надеюсь, что она почувствует мое прикосновение. Я лежу с ней рядом, но я все равно скуечаю по ней. Я хочу, чтобы она взглянула в мои глаза, и улыбнулась вместе со мной утру нашей новой жизни.

Марина улыбается, не открывая глаз, и накрывает мою руку своей.

– Ты правда здесь? Мне ведь это не снится, нет?

Я улыбаюсь в ответ:

– Открой глазки и узнаешь.

Ее улыбка становится шире:

– Я и так знаю. Просто кокетничаю.

Я склоняюсь, чтобы прижаться губами к ее лбу:

– Правильно. Кокетничать – это хорошо. Это я одобряю.

Она подтягивается ко мне, поворачивает лицо, чтобы мои губы оказались на уровне ее губ, и пытается что-то сказать одновременно с поцелуем. Получается, естественно, какая-то ерунда, и мы отрываемся друг от друга со смехом.

Марина садится в кровати, и обиженно смотрит в окно – надув губы и хмурясь, как маленькая девочка.

– Чертово солнце! Ну кому оно нужно в таких количествах?

– Не занудствуй. Где свет, там и тень. Будем жить на границе двух миров.

Она бросает на меня серьезный взгляд, и сплетает свои пальцы с моими:

– Вот не знаю я, Влад, что о тебе думать... Ты иногда говоришь такие... многозначительные и глубокие вещи. И я никогда не понимаю, это ты случайно брякнул, или правда имел в виду что-то особенное.

Я пожимаю плечами:

– Тебе надо просто меньше думать. Когда ты думаешь, все вокруг ужасно запутывается. Нам обоим надо просто быть... проще, пардон за каламбурчик. Тьфу, у меня как-то плохо сегодня с утра получается разговаривать. Иди лучше сюда, давай я буду тебя целовать.

Она послушно прижимается ко мне, и говорит очень тихо:

– Как у тебя все просто, человек...

– Это просто, – я подчеркиваю слово, и выразительно двигаю бровями, хотя она на мое лицо сейчас и не смотрит, – это ПРОСТО потому, что я тебя люблю. И это все, что имеет значение.

– А я тебя. Я люблю тебя.

Она вздыхает, и жмурится, и тянется ко мне, чтобы поцеловать.

Просто. Сложно. Никуда мы, видимо, от этих двух слов не уйдем. Ну и не надо, наверное. Я ведь уже решил сегодня с утра пораньше, что все это – все, что с нами происходит или еще произойдет... Все это – «между». Между ночью и днем. Между светом и тьмой. Между реальностью и сказкой, жизнью и смертью. Между мужчиной и женщиной.

Только я тогда, утром, был не прав. Наше «между» – не сумеречная зона. В нем нет ничего туманного, неопределенного и серого. Оно чистое, резкое, пугающее и прекрасное, как лезвие ножа или блеск солнца в холодной воде. Мы принадлежим к разным мирам, и они не могут смешаться. Но мы по своей воле пришли на их границу, протянули друг к дру-

гу руки, и сплели пальцы. Мы стоим на рубеже света и тени. Мы вместе. И это наше счастье, и наша беда.

И просто – наша жизнь.

Мы будем ее жить.

И пусть все будет как будет.

Бокал дрогнул в моей руке, красные капли упали на ковер и быстро впитались в мягкую шерсть. Нежная роза, вытканная мастерами из Обюссона в далеком XVII веке, стала чуть краснее. Не стану чистить... Пусть этот темный тон остается – роза так только красивее. Объемнее. И потом, мне нужны эти красные пятна, едва заметные: не знаешь, где смотреть – никогда не найдешь.

Они нужны мне, чтобы навсегда запомнить этот вечер.

Неудивительно, что у меня дрожали руки и я едва держал в руках бокал. Меня всего трясло, когда я стоял в темной прихожей – пальцы не слушались, когда я пытался размотать шарф на шее, растягнуть пуговицы пальто. Они и сейчас не слушаются – лишь усилием воли я заставляю себя писать эти строки. И ведь надо же – они получаются вполне ровными... Вот что значит сила воли и сила привычки. Я пишу, повинуюсь давней привычке – излагать на бумаге свои мысли, свои воспоминания. Глупо, конечно, – я никогда ничего не забываю, так что мне это не нужно. И нико-

му не нужно – потому что я никому не интересен, у меня нет ни детей, ни друзей, а значит, у этих записок нет адреса. А я никогда не поверю, что люди в самом деле ведут дневники только для себя, не рассчитывая, что кто-то их прочтет. Зачем тогда вообще писать, зачем шлифовать литературную форму, искать верное слово, нужную фразу? А ведь все делают так, даже в дневниках. Я делаю так, хотя в моем случае это действительно никто никогда не прочтет... Но в том-то и смысл: я, может быть, единственное живое существо на планете, которое пишет дневник для себя. Потому что когда я пишу, то выпускаю часть воспоминаний наружу. Фиксируя их на бумаге, я избавляюсь от них. Мне это нужно. Я не могу жить со всеми этими мыслями в голове. Я сойду с ума.

Хотя о чем я? Вероятно, я уже сумасшедший. Я сошел с ума давным-давно.

Но я никогда еще не чувствовал себя таким безумным, как сегодня. И таким спокойным. Я словно разделился надвое: одна половинка готова была взорваться от ярости. Другая... другая словно умерла. Оцепенела.

Ее машина была припаркована на тихой улочке возле школы. Она часто бывает там, и, конечно же, я знаю почему. Но сегодня она впервые привела туда его. Показала ему свой секрет. Теперь он знает все. У нее больше нет от него никаких тайн.

Между ними нет никаких преград.

Они будут вместе – теперь это ясно.

Я смотрел, как они сидят там вдвоем, в ее машине, в полумраке. Я был близко. Я слышал их шепот и смех. Слышал их поцелуи. Видел его улыбку, надежду и нежность в ее глазах. Она счастлива. Счастлива, оттого что он с ней.

Я был близко – стоял в темноте под дождем, который моросил весь день и теперь усиливался с каждой минутой. Я чувствовал, как капли влаги стекают по лицу, по шее, холодными струйками бегут по спине под одеждой. Это было неприятно. Но мне было все равно. Я оставался на месте. Я смотрел на них, на их счастье. И выбирал.

Мне ничего не стоило подойти к ним, вытащить его из машины, бросить на мостовую и вырвать ему горло. Или сердце... Он бы даже не успел понять, что происходит. Она... она поняла бы. Она бы сразу поняла, что случилось. И счастье в ее глазах сменилось бы болью. И я не смог сделать этого. Я выбрал... не делать.

Почему?

Что остановило меня?

Вот я сижу теперь в своем кабинете за столом светлого дерева – это мой любимый стол, в стиле ар-деко, я купил его когда-то в Париже, и мне до сих пор доставляет огромное удовольствие просто прикасаться кончиками пальцев к полированной поверхности, это меня странным образом успокаивает... О боже, я жалок, жалок! Я пытаюсь на полном серьезе найти утешение в вещах. Во всех этих столах, ков-

рах, в кожаном кресле, которое купил здесь, в Лондоне, – любовно выбирал его: до сих пор помню тот дом, где разорившиеся дети распродавали имущество умершего отца... Как могут все эти вещи помочь мне? Что вообще может помочь мне?!

И сколько можно лгать самому себе – уходить в рассуждения, самоедство и упреки, только чтобы отвлечься от простой мысли... Все, что я написал сейчас, можно выразить одной фразой. «Сегодня я хотел убить человека. Я стоял под дождем, смотрел на то, как он обнимается с женщиной в темной машине, и хотел убить его».

Вот так. Вот так просто.

Но нет – на самом деле все совсем не просто. В том, что я хотел убить его, нет ничего неожиданного – это не стоит откровений. Не это причиняет мне боль, не это заставляет мои руки дрожать, не из-за этого я словно разделен пополам и все не могу никак собрать себя воедино. Дело не в желании убить его, нет. Дело в том, что заставило меня остановиться. Был ли это просто разум – расчетливость, которая сказала мне, что, если я убью его у нее на глазах, она никогда меня не простит и я потеряю всякую надежду? Нет – нет. Я и так потерял ее – какая надежда у меня осталась, если они настолько **ВМЕСТЕ** теперь?

Меня остановил не разум, не расчет. Я знаю, что это было – я знал там, под дождем, и знаю теперь, сидя за столом, любуясь на красное пятно на своем ковре. Я знаю, что

не смогу причинить ей боль.

И я боюсь – смертельно боюсь того, что происходящее со мной... необратимо. Я стоял там и думал о том, что я всегда смогу убить его позже, не при ней. О, какое это было бы удовольствие – вырвать из его груди сердце, и держать его, все еще бьющееся, в руке, и смотреть в его красивые глупые глаза до тех пор, пока они не погаснут! Но я знал – уже тогда – что не смогу убить его вовсе. Потому что, даже если она не увидит этого, она узнает. И ей все равно будет больно.

И от этого будет больно мне. Больнее, чем сейчас. А мне так больно сейчас, что я даже не могу представить себе, что станет со мной, если будет еще больнее.

Я не хочу испытывать боль, не хочу бояться, не хочу подчинять свою жизнь ее жизни. Я хочу свободы – я хочу убить этого мальчишку, потому что он стоит между нами. Но я не убью... Потому что дело не в нем. Дело в ней.

Дело всегда, всегда было в ней.

1

Великая любовь – это, конечно, круто. Но когда дело доходит до организации совместного быта, большое чувство несколько теряется среди других проблем. Любовь случается с нами – если нам повезет, конечно, – она сбивает нас с ног, меняет жизнь. Мы пугаемся, радуемся, потом принимаем то, что на нас свалилось, и начинаем с этим жить. Мы до такой степени привязываемся к любимому существу, так начинаем от него зависеть, что нам хочется быть с ним все время – постоянно. У людей это обычно выливается в понятие «жить вместе». И вот тут начинаются сложности. Возникают практические вопросы.

Например, такой: куда положить мои диски? Или мои книги. Или, к примеру, мои штаны. Не то чтобы у меня было какое-то невероятное количество штанов – я не одежный маньяк и покупаю новые вещи главным образом потому, что работа обязывает: арт-директор мужского модного журнала не может всегда ходить в одном и том же. Проблема в другом. В Марининой квартире нет места для любого, сколь угодно малого количества мужских штанов, и вообще для посторонних вещей. У нее все слишком элегантно, точно и... одиночно рассчитано. Отличная квартира – центр Москвы, Чистые пруды, идеальное пространство для проживания успешной и сногсшибательно красивой молодой женщины. В кварти-

ре все так, как нужно ей – так, как ей удобно и привычно. Пространство заточено под нее – тюнинговано, как дорожный автомобиль. У нее есть рабочее место, и шкафы, и музыкальный центр и диваны перед телевизором, и холодильник, в котором только с моим появлением появилась нормальная еда – раньше Марина дома особенно не ела. И еще у нее есть гардеробная, которая вмещает ровно столько вещей, сколько Марине придет в голову иметь (она из тех невероятных женщин, что на самом деле выбрасывают одежду, которую не надевали больше года, как рекомендуют глянцевые журналы, а не складировуют ее тоннами – на случай, если настроение изменится). Все идеально, все на своих местах. И, несмотря на обилие свободного пространства, добавлять сюда что-то кажется странным. Чужие – мужские – мои вещи сюда просто не впишутся. Для них нет места в ее квартире.

И в общем можно сделать смелый вывод о том, что места для мужчины нет не только в ее квартире, но и в ее жизни.

Нет, поймите правильно – это не упрек. Трудно упрекать Марину в том, что она не планировала совместной жизни со среднестатистическим молодым москвичом, который не имеет привычки аккуратно складывать одежду и регулярно забывает DVD-диски в компьютере. Она вообще искренне собиралась всегда быть одна – к этому ее, как она полагает, обязывала сама ее физическая природа (хотя, по-моему, степень обязательности тут примерно такая же, как в случае со мной и дизайнерскими джинсами, – ну кто реально за-

метит, что я хожу в старых? Кому я настолько интересен?). У нее была масса вариантов жить не одной – я даже теперь вроде как дружу с одним из этих «вариантов», Серхио его зовут. Но она их все отметала, и за это мне следует благодарить высшие силы. Она не ждала любви – ни моей, ни еще чьей-то. Не готовилась и место для нее в своей жизни не оставляла. Она была твердо намерена жить одна, и я это понимаю и принимаю. И я благодарен за то, что она это решение изменила.

Поэтому теперь, стоя над коробкой с дисками, которые я перевез из своей квартиры на Чаплыгина и которые совершенно некуда пихать, я могу только растерянно чесать репу. И упрекать себя за то, что столько всего с собой набрал. Глупо в наш век цифровых технологий держаться за материальные носители кино и музыки. Все можно в компьютер закачать. Моя привязанность к пластмассовым коробочкам с зеркальными кружками внутри неразумна, они дороги мне иногда не из-за звуков, которые на них записаны, – это все и правда есть в iTunes Store и «доступно для скачивания», – а из-за всяких обстоятельств их приобретения. Некоторые вещи я купил, когда они только-только появились в Москве, на Горбушке, у каких-то мутных пиратов-перекупщиков. Что-то привез из «своей первой заграницы» – интересно, есть ли у других народов такое священное почитание первого выезда за рубеж, как у «россиян»? Моей первой заграницей, кстати, был Лондон – я везучий парень. В об-

цем, с каждой коробочкой у меня связано что-то сентиментальное – какая-то частичка прожитой жизни. Это не музыкальные записи вовсе, а человеческие слабости. Ну я человек, и у меня имеются слабости. В этом вся соль. Это Марине и нравится. И поэтому она никогда не скажет мне, что у меня слишком много барахла.

А я никогда не скажу ей, что она вполне могла бы попробовать переехать ко мне. Не так уж у меня мало места, и район тоже хороший – тот же самый, собственно, квартиры в двух минутах пешком. Но я ей даже и предлагать не стал. Во-первых, втиснуть ее в безалаберное пространство моего обитания было бы ничуть не легче, чем меня в ее белоснежный дизайнерский рай. В любую уютно выстроенную одинокую жизнь трудно вписать второго человека – нужно сильно себя перекроить, и изменения в квартире лишь наглядно отражают те внутренние перемены, ту перестройку организма, которая нужна, чтобы быть с кем-то ВМЕСТЕ. Это даже странно, как жалко отказываться от привычного, как это больно – меняться, жертвовать сонным комфортом, уютной летаргией одиночества, даже когда ты делаешь это ради безмерно любимого существа. Во-вторых... Во-вторых, мой переезд к ней – дело символическое. Она – больше меня. Ее жизнь – больше моей. И она впустила меня к себе: физически – в свою квартиру, а по сути – в свое сердце. И это такой подарок, огромный и, вообще говоря, все еще необъяснимый, что мне остается только похоронить на задворках со-

знания неясное ощущение, что я непременно буду скучать по своему собственному дому.

Я же не собираюсь в самом деле скучать по одиночеству, по жизни без нее? Конечно, нет. В конце концов, если для меня меняться – больно, но все-таки возможно, то она-то просто не может измениться. Такая уж у нее природа.

И мысль о том, что она, может быть, не впустила меня в свою жизнь, а поглотила мою своей, я сейчас словесно оформлять не буду. Главное, что мы вместе, а в каком уж я качестве (проглочен ею или в самом деле рядом иду) – не суть важно.

Потому что есть планеты и есть спутники. И я точно знаю, кто из нас спутник.

И вовсе не потому, что я по уши влюбленный идиот. И не потому что я страус, который прячет голову в песок, стараясь не видеть проблем. Чтобы не видеть наших проблем, надо быть совсем тупым. А я не тупой – я знаю, что от наших проблем не спрячешься. Как в том старом анекдоте было, про объявление в зоопарке? «Не пугайте страуса – пол в клетке бетонный!» Наши проблемы – они как этот бетонный пол. И никакое количество романтических поцелуев в темной машине посреди залитого дождем Лондона, и никакие наши улыбки, и даже наше молчание по ряду важных вопросов надолго нас от этого бетонного пола не спасут.

Размышления об этом, однако, непродуктивны. Если уж я что и изучил досконально за последний год – год любви

к Марине, – так это то, что она всегда придерживается избранной линии поведения. Решит быть несчастной и озабоченной – и ничто ее не успокоит. Решит быть счастливой – будет такой счастливой, что умри все живое. В Лондоне я сумел переломить ее настроение (и это было чудо, на самом деле) – она-таки решила быть беззаботной и веселой и отдалась, так сказать, нашей любви. И поэтому я теперь переезжаю. И поэтому столкнулся с проблемой того, что я-не-вписываюсь-в-ее-интерьер. Коробка с дисками в этом плане – всего лишь символ, но очень наглядный. Коробка эта обычная, картонная, прочная – такие очень любит герой «Ютуба», жирный японский кот Мару: его хозяйка регулярно выкладывает ролики о том, как Мару, помешанный на всяких дырках, влезает в разного формата коробки и ведет с ними безнадежную борьбу. Страшно себе даже представить, что же такое эта японская девушка все время покупает, чтобы обеспечить Мару нужным количеством картонных врагов. Или, может, она специально покупает все время новые пылесосы и телевизоры, чтобы ему было куда скакать?.. Это сильная мысль – кот Мару как двигатель японской экономики.

Какого черта я стал сейчас думать о Мару и вместе с ним обо всех котах по определению? Мой кот – мой покойный кот – еще один элемент моей жизни, который никак не был совместим с Мариной. И поэтому я его потерял, что тоже символично. Но я не хочу сейчас об этом думать. Я лучше

предамся самоуничтожению, глядя на коробку, которая, как уже было сказано, приехала со мной на такси с Чаплыгина и теперь торчит посреди светлой Марининой гостиной, как гнилой недолеченный зуб среди идеальных коронок. Ну или, если быть гламурнее, как золотая фикса во рту Джека Воробья.

Надо, короче, выкинуть к чертовой матери все эти диски. Кому какая разница, что вот этот диск «Иисус Христос – Суперзвезда» я когда-то с большим волнением приобрел в контрабандистском ларьке в фойе кинотеатра «Ударник»? Я уже сто лет его не слушал.

Я сажусь на корточки возле коробки, чтобы поднять ее и решительным движением уволочь во двор, в направлении мусорного ящика. Собственно, я задерживаюсь только для того, чтобы последний раз сентиментально полюбоваться на любимые обложки. И тут в комнату входит моя прекрасная возлюбленная – она возилась на кухне, варя кофе, – я слышу восхитительный запах, кофе она варит, по-моему, лучше всех в мире. Молниеносно оказавшись рядом, Марина наклоняется над моими предназначенными на выброс сокровищами.

Восхитительное обстоятельство моей новой – уже почти совместной – жизни с любимой женщиной заключается в том, что для кого-то разница есть. Марине не все равно. Ей интересен весь мусор, который я собрал за свои двадцать семь лет.

В голосе ее звучит неподдельный восторг:

– Ой, оригинальная запись «Суперзвезды»! Здорово как... Я так хорошо помню, как ходила на премьеру. Эндрю меня пригласил. Это было так круто – такой драйв, просто нереальный!.. Критики все обругали, конечно, – но когда они этого не делают?

Ее темные вишневые глаза загораются энтузиазмом, яркие губы раскрываются в улыбке, и она, не говоря больше ни слова, хватая диск из коробки и, пританцовывая, отправляется к музыкальному центру, напевая на ходу «I don't know how to love him». Через секунду квартира уже полна звуками музыки, и Марина кружится по комнате, единолично изображая целую ликующую по поводу въезда в Иерусалим главгероя толпу. Комната освещена рассеянным светом – за окном солнце, но занавески из светлого льна плотно задернуты. В приглушенном свете светлая кожа Марины словно сияет, и красный отлив в темных волосах, которыми она задорно встряхивает, кажется еще богаче и сложнее. Как у самого ценного красного дерева.

Она красива, как богиня, и я люблю ее до остановки сердца. Я знаю, о чем говорю, – у меня она, эта остановка сердца, была. Правда, не от любви, но это в широком смысле все равно.

Я люблю ее. И это все, что имеет для меня значение.

Марина скачет по комнате и поет. Такая юная и задорная, такая замечательно двадцатитрехлетняя. Она говорила сей-

час, на минуточку, о событии, которое произошло в 1971 году. На Бродвее, в Нью-Йорке – в Большом, так сказать, Яблоке.

Вот такого рода разговоры бывают у людей, когда они живут с бессмертными. И от такого рода ситуаций, собственно, у нашего смертного брата и захватывает дух. У кого бы не снесло крышу, если бы его столь очевидно юная возлюбленная упоминала время от времени между делом о том, что лично была свидетельницей самых неожиданных и разных событий в истории – событий вековой или более давности?

Надо все-таки спросить у нее, где хранятся сокровища Романовых. Хотя она не скажет, конечно. Она вообще не очень любит отвечать на специальные вопросы о прошлом – своем и остального мира. Тем ценнее моменты вроде того, что мы пережили только что, – когда какое-то воспоминание случайно срывается у нее с языка. Очень важные моменты в нашей жизни. Моменты, которые говорят мне, что она полностью расслабилась в моем присутствии – ничего от меня не скрывает.

Она говорит иногда, что самое главное, что дарит ей мое присутствие в ее жизни – возможность быть самой собой. Не притворяться. Не играть никаких ролей. Ни роли юной девы, ни роли моей начальницы, ни просто – роли смертного человека с жизненным опытом, ограниченным теми двадцатью тремя годами, на которые она выглядит. Теми двадцатью тремя годами, когда – двести лет назад – ее убили, чтобы за-

тем насильно вернуть к жизни. Убили по прихоти, которую убийца считал любовью.

Может, он правда верил, что это любовь?

И как – если это так – можно вообще разобраться, что такое любовь? Как узнать: то, что происходит у нас с Мариной, – любовь, или безумие, только чуточку другого рода? Менее, может быть, агрессивное, но, наверное, в конечном счете не менее пагубное.

Не стоит мне сейчас об этом думать. Смысла нет. Стоит наслаждаться моментом, когда она счастлива и я счастлив – когда мы оба можем расслабиться. Конечно, такие моменты бывают только наедине – на людях мы оба играем. И, собственно, ради того, чтобы таких моментов было как можно больше, люди и съезжаются, несмотря на то что это трудно, и им, на первый взгляд, некуда на новом месте девать свои штаны.

Ясно, что диски я выбрасывать не буду. И беспокоиться по поводу того, куда их девать, я тоже не буду. Марина имеет нынче намерение и настроение быть счастливой – значит, оно все как-нибудь устроится.

Она продолжает танцевать, бросает на меня взгляд через плечо и, заметив, что я к ней не присоединяюсь, поднимает брови:

– А ты чего стоишь? Немедленно танцевать!

Я неопределенно хмыкаю, и она корчит недовольную гримасу:

– Зануда!

– Я не зануда, просто из меня танцор еще тот.

Ну я мог бы догадаться, конечно, что возражения приниматься не будут. Она подтанцовывает ко мне, решительно берет за обе ладони и рывком поднимает с пола – я как сел возле коробки, когда она вошла, так и сижу.

У нее восхитительно прохладные руки, и ее бледные пальцы кажутся такими хрупкими и тонкими в моих обыкновенных мужских руках.

Я обнимаю ее за талию:

– Сама напросилась... Чтобы потом без жалоб на отдавленные ноги.

Она смотрит на меня снизу вверх, и ее глаза улыбаются:

– Что-то я не припомню, чтобы ты был такой скромный в плане танцев. Когда мы на зимнем корпоративе танцевали, с моими ногами все было хорошо.

– Это потому, что я был скромный и соблюдал дистанцию.

Несколько секунд мы просто стоим обнявшись, слегка покачиваясь – вроде как танцевать начинали, нет? – но на самом деле полностью игнорируя музыку. Не знаю, как она, а я вспоминаю ту зимнюю ночь, когда наша жизнь была еще совершенно беспроблемной – потому что, конечно, служебный роман, который мы тогда еще пытались скрывать, на фоне всех остальных наших сложностей и правда не проблема. С тех пор много всего произошло, и хорошего и плохого, и между нами стало гораздо меньше недомолвок, а вот

горечи прибавилось... Но я понимаю вдруг, отчетливо, что не жалею о временах своего неведения. Правда – она всегда лучше вранья.

Откуда в мозгу возникает хрестоматийное «умножая знание, умножаешь скорбь?»

Марина утыкается лицом в мое плечо и коротко блаженно вздыхает, а потом говорит задумчиво:

– А ведь мы с тобой и в самом деле очень мало вместе танцуем. Это надо исправить.

Моя очередь поднимать брови:

– Что, в «Дети ночи» пойдём? Там особо не потанцуешь – места маловато.

Марина качает головой, отвергая идею похода в свой любимый ночной клуб:

– Нет, ну его – поднадоел. Надо найти какое-то новое место... Не такое... заезженное, вот. Надо будет с Серхио посоветоваться, наверняка он что-нибудь уже обнаружил получше – у него нюх на поиск новых классных мест... Черт!

Внезапная смена выражения на ее лице – с мечтательно-го на озабоченное – заставляет мое сердце пропустить удар. Интересно, я когда-нибудь перестану волноваться за нее по поводу и без повода? И возможно ли это вообще – перестать волноваться за нее?

– Что такое? Опять ваши «семейные» тайны?

Она отрывается от меня и начинает лихорадочно копаться в брошенной на диване сумочке. Несмотря на то что Мари-

на – феноменальное сверхъестественное существо, в некоторых аспектах она самая настоящая девочка, и хрестоматийный женский беспорядок в сумке (то, что нужно, всегда оказывается на самом дне) – это про нее. Не прекращая поисков, она бормочет, обращаясь ко мне:

– Нет, нет, никаких тайн – я просто тупо забыла ему позвонить, а он должен нам назначить ужасно важную встречу...

– Нам? – Я слегка настораживаюсь, как всегда, когда речь идет о Маринином «кровном брате». Нет, я в самом деле отношусь к Серхио, можно сказать, как к другу, я многим ему обязан... «Многим» – это мягко сказано, вообще-то можно и честнее сказать: жизнью и счастьем. Потому что он однажды спас мне жизнь – а потом обеспечил счастье, объяснив кое-какие Маринины заморочки. Но тем не менее факт остается фактом: с Серхио всегда связаны и какие-нибудь тайны и проблемы. По-моему, он их вообще с собой иногда приносит, эти проблемы. А потом их решает. Эдакая изысканная смесь саботажника и кризисного менеджера: сначала слегка нагадит, потом эффектно всех спасет.

– Нам – в смысле как паре, тебе и мне, или нам как представителям славного журнала Alfa Male? – переспрашиваю я.

Марина, откопавшая тем временем (на самом дне сумки, конечно) свой новенький iPhone, уже набирает номер, одновременно поясняя:

– Как представителям славного журнала... – Она дозво-

нивается и виновато вздыхает уже в трубку: – Серхио!.. Да, я жалкое существо, забывшее обо всем на свете, у меня нет мозга... Да, если хочешь знать, с ним я и занята... Будешь издеваться – покусую! Мы переезжаем... Ну естественно это ОН переезжает...

Я так думаю, что мне лучше этот разговор не слушать. Не то что они скажут что-то обидное – боже упаси. Просто его тема и тональность этой беседы невольно возвращают меня к мыслям о квартирах, жизненных пространствах и мебели. И о том, что я в каком-то смысле тоже мебель, которую перевезли на новое место и ее пока что трудно вписать в сложившуюся картину мира.

Я лучше пойду на кухню – там имеется свежий кофе. И ничего, что он несколько остыл, пока мы танцевали в гостиной, – я люблю холодный кофе.

Я стою на кухне у открытого окна с чашкой кофе и сигаретой и наслаждаюсь видом. Из соседней комнаты слышно, как Мария Магдалина успокаивает уставшего Христа: «Everything is all right now...» «Теперь все хорошо...» Окно выходит в сторону двора, но этаж такой высокий, что все равно видно далеко – и крыши домов пониже, и Покровку, и даже деревья во дворе роддома тут, по соседству, в котором я, между прочим, родился. Самый конец лета, Москва еще тихая-тихая, потому что люди не вернулись из отпусков, и запыленная, и уютная, как в старых советских фильмах. По крыше напротив шествует, ковыляя, толстый голубь

с дранным хвостом – боец, видать: либо соперники покоцали, либо кошка потрепала. Кроны деревьев пожелтели, но редеть еще не начали. В окно влетает легкий ветерок – очень теплый и какой-то... ласковый.

Солнце скоро сядет, и мы пойдем гулять и пить кофе в нашей любимой «стекляшке» на углу. И все будет хорошо.

Я тихонько вздыхаю. Наверное, я смогу привыкнуть к этому новому месту – к этой новой жизни. Everything is all right now... Ну да, наверное.

Маринина рука ложится мне на плечо так неожиданно, что я вздрагиваю.

– Ты чего загрустил?

Я оборачиваюсь, чтобы встретиться с ней взглядом:

– Я не загрустил. Я просто приполз на запах кофе, да так тут и остался.

Она кивает и садится на подоконник, полуобернувшись ко мне. В руке у нее бокал с чем-то красным. Это точно не вино – она не стала бы пить вино без меня. Донорская кровь из пакетика, надо думать. Вот не люблю я, когда Марина пьет человеческую кровь, даже такую, из-за которой никто не умирал. Но тут мне сказать нечего: есть-то ей надо, а охотиться на бродячих собак за хлопотами с переездом у нее времени не было. Она делает глоток и некоторое время молча смотрит на город за окном – так же, как я только что смотрел. Но вот только я теперь города за окном не вижу – только ее: тонкий профиль на фоне золотистого неба, и длинные

ресницы, и то, как ветер слегка касается ее челки, заставляя темные волоски отлетать с бледного лба. В такие моменты мне хочется вернуться к давно оставленным занятиям живописью – фотографировать такое бессмысленно, надо рисовать.

Но это глупо и сентиментально, и следовало бы помнить, что портреты мне никогда не удавались. Моя сила – это пейзажи всякие. Но не люди. Они у меня всегда получались какие-то деревянные. Словно неживые. А в данном случае это было бы вовсе неправильно: неживая девушка, которую я люблю, одновременно – самое живое существо, которое я знаю. Пусть она сейчас и задумалась так глубоко, что не шевелится.

Чтобы привлечь к себе внимание, я касаюсь пальцами ее шеи. Она мгновенно оборачивается ко мне с виноватой улыбкой. Я улыбаюсь в ответ:

– Так что Серхио-то? Простил тебя?

– Простил, конечно. Он просто не может простить сразу – надо непременно несколько минут меня подразнить.

– И что со встречей?

Она кивает с довольным видом:

– Все хорошо. Он ее назначил. У тебя завтра есть важные дела в редакции?

Я пожимаю плечами:

– Ты начальница, тебе лучше знать.

– Значит, нет. Эта затея важнее.

– Да что за затея-то? Ты такая вся внезапная, противоречивая вся...

Марина показывает мне язык и спрыгивает с подоконника, чтобы отправиться к холодильнику и освежить содержимое своего бокала:

– Затея крутая и прекрасная. Ты знаешь, как давно я искала для нашего журнала какой-то возможности засветиться – в смысле пиара – в каком-то небанальном месте? В чем-то, что не связано с модой и прочими очевидными вещами?

Мне ли не знать... Это одна из ее идей фикс. Я киваю – мол, продолжай, не томи.

– Ну так вот – похоже, у нас есть отличный шанс. Большой готовит постановку какого-то супермодного и страшно смелого балета, специально для них написанного неким модным авангардистом из Питера, который собираются после премьеры здесь отправить обменным образом в Париж – прямоком на сцену Гранд-опера. Это большое дело – государственные деньги, великое культурное значение и все такое. Серхио наш – как звезда музыкальной критики – очень во все это вовлечен. Даже не спрашивай меня, почему и как, меньше знаешь – лучше спишь. И можешь ли ты себе представить, что у них имеются проблемы с двумя вещами: с глянцевым информационным спонсором и еще некоторые – с художественным оформлением. С разработкой стиля, короче. Серхио устроил так, что мы, скорее всего, сможем к этому примазаться. И встреча у нас с людьми, которые там всем

заправляют и принимают нужные решения. Вуаля!

По моей спине пробегает холодок. Я смотрю на нее с сомнением:

– Марина, я, конечно, сильно верю в себя и в свой великий талант, но постановкой балетов я заниматься не готов.

Она весело ерошит мне волосы – будто они еще недостаточно лохматые:

– Дурачок. Никто не требует, чтобы ты ставил балеты. Просто ты – ну мы как журнал Alfa Male – чуток проконсультируем их арт-директора, внесем в балетные ряды струю современной моды и высокого глянцевого стиля, сделаем неземной красоты съемку – наши модели среди балерунов и, наоборот, сделаем выставку к премьере в Москве и в Париже, получим пиар – и станем героями глянца.

Всего-то делов – начать и кончить.

– Почему мне кажется, что ты все несколько упрощаешь?

Она разводит руками:

– Потому что ты меня хорошо знаешь? Да ладно тебе, не ворчи. У страха глаза велики – ты сам не заметишь, как оно у тебя все легко и прекрасно выйдет.

На губах у нее триумфальная, победоносная улыбка. И я, несмотря на весь свой немалый ужас перед теми перспективами, которые она мне нарисовала, не могу ей ничего возразить. Во-первых, потому, что есть планеты и спутники, и ежели моя планета чего-то решила, то мне остается только сходить с орбиты вместе с ней. Во-вторых, потому, что ко-

гда глаза ее вот так сияют и она вся светится таким энтузиазмом, надо вовсе сердца не иметь, чтобы ее расстроить. В третьих – потому, что описанная ею история и в самом деле, судя по всему, интересна. Будет чем заняться, кроме журнальной рутины.

Будет кем себя почувствовать, кроме как подчиненным, который крутит роман с начальницей и живет у нее в квартире.

Я ухмыляюсь:

– Мне стоило знать, что с вами, ребята, не соскучишься. Но когда я облажаюсь, и выйдет ужасная гадость, и международная критика меня проклянет, и пиар для нашего модного листка получится сугубо негативный... Тогда я оставляю за собой право сказать: «Я тебя предупреждал!»

Она смеется и приближает свое лицо к моему, чтобы поцеловать.

И говорит тихо, но внятно:

– Ничего. Всех, кто посмеет нас критиковать, мы с Серхио загрызем.

2

Влад спит в моей – нашей, мне пора привыкать думать именно так, использовать это слово, которое обозначает наш безусловный и официальный «совместный» статус, – кровати, закинув одну руку за голову.

На его красивом лице даже во сне сохраняется выражение легкой озабоченности. Это понятно. У любого человека был бы беспокойный сон, если бы он пару часов кряду провел, изучая на Youtube фрагменты авангардных балетов и одновременно, пока загружались ролики, штудирюя в другом окне немногочисленные блоги, посвященные русской моде. И то и другое производит на неподготовленного зрителя довольно кошмарное впечатление, и я предупреждала его, что не стоит смотреть такие ужасы на ночь. Но Влад – человек не только талантливый, но и очень ответственный (хотя по его вечно взлохмаченному и слегка расхристанному виду этого и не скажешь), и он решительно заявил мне, что не собирается являться на завтрашнюю встречу в «Большой» неподготовленным. Ему надо, сказал он, хотя бы быть «в теме».

После того как я рассказала ему о своей затее с балетом, он запаниковал, хотя старался замаскировать это шуткой. Но, как это всегда с ним бывает, паника быстро уступила место энтузиазму. Художественное любопытство, с которым он

реагирует на всякую новую задачу, – одно из качеств, за которые я люблю его. Хотя нужны ли мне на самом деле причины, чтобы любить его? Чтобы влюбиться, они мне точно были не нужны – я понимаю теперь, что влюбилась в него в первую секунду, как увидела, еще до того, как по-настоящему узнала. Мне стоило только посмотреть в его светлые, чуточку дикарские глаза, и я пропала, хотя далеко не сразу поняла это. И уже потом, ради этих глаз, я готова была видеть в нем самые прекрасные душевные и профессиональные качества. Мне повезло, что они в нем действительно были и есть, эти качества.

В любом случае Влад правда никогда не может устоять перед чем-то интересным и трудным в своей работе. И вот сегодня, намеренно уведя меня на улицу, чтобы, как он выразился, я «не отвлекала его своими танцами», и усадив в кафе на террасе, он завел со мной разговор о том, во что мы собственно собираемся ввязаться. Его главная – и очень здравая, кстати, мысль – заключается в том, что нам не стоит предлагать в качестве фэшн-составляющей никаких «больших брендов». Никаких Дольче с Габбаной – это сразу придаст всему налет коммерции, и художественный проект превратится в пиар-акцию, и участие журнала будет казаться тоже неким посредничеством-сводничеством, и мы будем скомпрометированы. Не то чтобы я сама об этом не думала – думала, естественно. Но меня радует то, как быстро Влад сам пришел к этой мысли. И как естественно перешел к выводу

О том, что нам нужен какой-то независимый русский модельер, с которым можно было бы посотрудничать. Отсюда его рыскание по блогам в поисках какого-либо местного дизайнера, от которого нас обоих не тошнило бы и кого мы могли бы с чистой совестью предложить для такого серьезного выхода на международную арену.

Вернувшись домой, Влад пересмотрел с десятков сайтов и выкурил пачку сигарет. В конце концов, с шутливым отчаянием покачав растрепанной головой, он поднял на меня взгляд и объявил:

– Мне тягостно говорить об этом, но я знаю только одного человека, который годится на роль «хорошего русского модельера». Он, правда, не совсем человек, и я не уверен, что он русский, но он точно приличный модельер. Стас Чепраков. Недалеко мы от «Детей ночи» ушли. Куда ни сунься, всюду ваш брат.

Влад был совершенно прав. Станислас Чепраков, звезда русской мужской моды и владелец ночного клуба «Дети ночи», и в самом деле нерусский – он поляк. И в самом деле не человек – он один из моих «братьев». Но он действительно хороший дизайнер. И подойдет нам. Даже, наверное, будет рад помочь.

О том, что он единственный подойдет нам, я тоже знала с самого начала. Но мне хотелось, чтобы Влад и этот вывод сделал сам. Потому что предлагать его сразу с моей стороны было бы неприлично. Я не знаю, как это назвать, когда

представители одного и того же биологического вида составляют друг другу протекцию, но это точно ничем не лучше, чем nepoтизм.

Так или иначе Влад сделал выбор, распечатал кучу картинок с чепраковскими коллекциями разных лет, обозвал наше балетное предприятие «Вампирским театром по мотивам Энн Райс» (естественно, среди «профильных» фильмов, которые он время от времени в тайне от меня смотрит, было и «Интервью с вампиром», я могла и раньше догадаться), сгрел меня в объятия и отволол на кровать.

На мою – нашу – кровать.

И на некоторое время я забыла обо всем – и о работе, и о балете, и о своей природе.

А теперь он спит, закинув руку за голову и чуточку хмурясь, и у меня есть время подумать. Вернее, попаниковать.

Напрасно он думает, что его одного тревожит наше решение жить вместе. О нет... Нет. Просто его страхи носят нормальный – человеческий – характер. Он боится, что у нас не получится, что мы будем теснить друг друга, что нам будет неудобно. Что постоянное пребывание вместе начнет раздражать нас. Ну меня главным образом: в себе он уверен, но мои выходки, вернее, постоянные попытки оставить его для его же пользы, навеки поселили в нем некое сомнение в глубине моих чувств. Ему, дурачку, кажется, что тот факт, что его одежда не очень-то помещается в мою гардеробную, а его диски – на мои полки с музыкой, может каким-то обра-

зом изменить простое и безусловное обстоятельство моего существования: любовь к нему.

Ему кажется, что мне будет неудобно жить с ним. Он не верит, или не может по-настоящему осознать, что я не могу жить БЕЗ него. Его присутствие необходимо мне, как воздух. Нет, это не совсем верное сравнение. Без воздуха я могу обходиться – если не вовсе, этого я никогда не проверяла, то по крайней мере очень и очень долго. Я должна быть честнее с собой. Его присутствие необходимо мне, как... кровь.

Это довольно символично, на самом деле. Мне нужна чужая кровь, чтобы жить, – ведь своей у меня в сущности нет. И я не могу быть счастлива сама по себе – я долго думала, что могу, считала себя самодостаточной и самостоятельной. Но я ошибалась, или просто не жила по-настоящему. Теперь я знаю: чтобы жить полноценно, чтобы чувствовать и радоваться, мне нужна помощь извне. Мне нужен он.

Вот только проблема в том, что «чувствовать» – это не только «радоваться». Применительно к нему, к тому, что я согласилась полностью связать свою жизнь с Владом, это в основном означает «бояться». Не того, что он потеснит меня – погруженная в свои мысли, попивая свой любимый вариант «Кровавой Мэри», я уже, собственно, решила все пространственные проблемы: и вещам его нашла место в шкафу, и диски расставила – они прекрасно вписались в мою музыкальную коллекцию, словно всегда тут были. Найти ему физическое место в моей квартире легче легкого. Того, что

он мне надоест, бояться смешно. И я достаточно самонадеянна, чтобы знать: я ему тоже не надоем. Не так эти вещи устроены.

Нет, я боюсь не того, что наша любовная лодка разобьется о быт. Какая, кстати, поразительная женщина была эта Лиля Брик – удивительная гадина, и при этом ее вполне человеческому обаянию мог позавидовать любой из моих «братьев». Ей никто не мог противостоять – все становились ее рабами, даже Дракуле такое влияние на людей не снилось. Серхио был таким ее фанатом – без любви, он не мог бы полюбить такую... жестокую особу, как это ни парадоксально звучит, – нет, он обожал наблюдать за ее победами со стороны, символически снимая шляпу. Он даже, по-моему, подумывал обратить ее. Но не стал этого делать. Струсил, я думаю. Став одной из нас, она натворила бы еще и не таких дел, как в человеческом обличье. Самоубийство одного гения ничто по сравнению с тем, что она бы вытворяла, если бы физически нуждалась в крови...

Нет, я не рутины совместной жизни боюсь. Я боюсь того, что она, эта совместная жизнь, вовсе не будет рутинной и спокойной. Пребывание Влада вблизи от меня уже подвергло его жизнь смертельной опасности. Мне страшно даже представить себе, что будет теперь, когда он все глубже и глубже станет погружаться в мой мир. По-настоящему станет его частью.

Он познакомится со всеми моими друзьями – «братья-

ми» и «сестрами». Мне нужно будет представить его Старшим: это обязательно, я не могу скрывать его дольше. Рядом со мной живет смертный, который знает нашу тайну. Это само по себе уже скандал. А когда я еще скажу им, что Влад – не временное явление, что я собираюсь сохранить его рядом с собой как можно дольше, так долго, как позволит его человеческая жизнь... Ох, это чревато большими проблемами. Мне повезло, что Грант Хэмилтон на нашей стороне: он один из Старших, и его мнение имеет вес. Но он один, а их десяток. И все будут против, все начнут выражать опасения. Остается только надеяться, что Дракула тоже поддержит меня – несмотря на то что считает мое решение не обращать Влада ошибкой.

Ну допустим Старшие не станут возражать – допустим, мне и Серхио, которого они ценят и уважают, удастся убедить их, что присутствие Влада в нашем мире и его осведомленность о нашей природе не угрожают нам разоблачением. Но остается еще... все остальное. Борьба за территорию, происки врагов, проявление инстинктов, просто спонтанная жажда мне подобных... Все опасности, которые выпадают на долю овечки среди стаи волков.

Влад в моем мире – невинная жертва в окружении хищников. И у него нет никакого способа защитить себя.

Конечно, мне следовало его оттолкнуть. Мне следовало держаться принятого решения оставить его. Но я так скучала по нему. И так расклеилась, когда неожиданно увидела его...

И я так эгоистична. Я не смогла. Я поддалась его человеческим уговорам, его человеческим аргументам, его романтике и его страсти. Потому что очень хотела этого, а потакать своим желаниям – основа моей природы.

И вот теперь я сижу в темной спальне, смотрю, как он дышит, как бьется на его шее жилка, и боюсь.

И одновременно я счастлива просто до неприличия. Он мой, он тут, он всегда теперь будет тут, рядом со мной – каждую ночь! Мне не нужно больше расставаться с ним. И разумная мысль (у меня и разумные мысли тоже бывают, не только панические атаки) о том, что наша постоянная близость будет ему не только опасностью, но и защитой, не играет на самом деле большой роли в моем приподнятом настроении. Это соображение разума, и как таковое оно спорно: стоит только вспомнить, что защитница из меня так себе, ибо я не самая сильная, не самая влиятельная, отнюдь не самая умная и хитрая в «семье». Да, мою роль защитницы легко оспорить. Мою животную радость от близости Влада, от осознания того, что я получила его в свое полное распоряжение, оспорить нельзя. Я чувствую ее – она клокочет в моем теле, заставляя сердце биться куда быстрее положенного одного удара в минуту.

Наверное, эта смесь страха и счастья естественна. Конечно, это так. За удовольствия надо платить. А жить с Владом – это самое большое удовольствие, которое я испытывала за время своего существования.

И я совершенно зря трачу время на то, чтобы сидеть тут и мучиться. Заранее, до того как что-то случилось, – ну точно как Умная Эльза. Мне надо перестать думать о плохом. Перестать бояться. Мне стоит поучиться у Влада. О, он совсем не глуп – он не вовсе бесстрашен, он просто умеет быстро осознавать, что для него важнее и ценнее: будущий страх или нынешнее счастье. Как он говорит – «пусть все будет как будет». И Серхио, кстати, много раз говорил мне о том же. Я не могу наперед знать, во вред или на пользу мои поступки. И я не должна переживать из-за того, что не могу изменить. Да, это фатализм, конечно. Но это и ключ к тому, чтобы быть счастливой.

Возможно, на нас скоро астероид упадет, и тогда судьба моего рода и человечества будет одинаково печальной, и наше существование и их жизнь закончатся. Неужели надо ждать этого и отказывать себе в счастье? Будет ли наша смерть легче от того, что мы не были счастливы до того, как она настигла нас?

Мужчина, которого я люблю, считает, что нужно жить и не думать о смерти. Кто я такая, чтобы спорить с ним?

Я залпом допиваю коктейль и проскальзываю под одеяло, чтобы прижаться к Владу. Он слегка вздрагивает – конечно, ведь моя кожа настолько холоднее его, и несколько секунд ему неудобно. Но он не просыпается, и уже через мгновение инстинктивно меняет позу, чтобы обнять меня и прижаться к себе.

Это такое невероятно приятное чувство, когда он обнимает меня вот так. Такое... уютное и правильное. Я чувствую себя такой целой и... довольной. Такой НЕОДИНОКОЙ.

Такое уже было со мной когда-то – двести лет назад, когда я была живой женщиной и у меня был живой муж. Мне стыдно признаваться в этом, даже самой себе, но я знаю – отдаю себе отчет – что никогда не любила Андрея так, как люблю Влада. Может быть, просто не могла – сколько бы мы ни стремились к тому, чтобы испытывать именно человеческие эмоции и привязанности, вампиры все-таки чувствуют по-другому. Возможно, это только иллюзия, которую я взрастила в себе для того, чтобы допустить, хотя бы гипотетически, что Влад еще способен когда-нибудь избавиться от страсти ко мне, – а я хотела бы этого, для его пользы, пусть даже мне это разобьет сердце... Возможно, это такая вот благолепная иллюзия, но я все-таки думаю, что в человеческой любви нет такой... НЕОБРАТИМОСТИ, как в нашей.

Но даже если я не любила мужа с такой же неодолимой силой, с какой люблю Влада, я все же любила его. Он был хорошим человеком и красивым, несмотря на увечье, и я была счастлива с ним. Сверстницы думали, что родители выдали меня замуж против моей воли – что, как пушкинская Татьяна (которую тогда еще даже не придумали!), я пошла за изувеченного в сраженьях генерала потому, что мне «все были жребии равны». Но это не так. Я любила его – больше того, это я убедила своего отца, что Андрей мне подо-

дит, что я буду с ним счастлива. Наверное, во мне говорила девичья глупость, романтические мечты: подумать только, военный, с наградами, ногу потерял при Аустерлице... Как странно, что я не всегда теперь могу восстановить в памяти его лицо. Оно как-то стерлось из сознания, смешалось с лицами других генералов с портретов Доу в эрмитажной «Галерее героев 1812 года». Хотя, конечно, Андрея нет там, ему не нашлось места среди боевых товарищей – он не был на той войне, хотя и стал ее жертвой...

Я любила мужа, даже если не могу теперь отчетливо вспомнить его лица. И сейчас, прижимаясь обнаженной спиной к мужчине, которого я люблю неизмеримо больше и чье лицо навеки врезано в мою бессмертную память, вместо Андрея я вспоминаю его убийцу. Капитан кавалерии Этьен Дюпре. Бледный демон, которого я впервые увидела галопом влетающим во двор нашей подмосковной усадьбы – куры бросились врассыпную из-под копыт его вороного, и я замерла в странном, на грани предчувствия ужасе, когда он резко осадил коня и встретился со мной взглядом. У него были темные, слишком темные для его бледного лица глаза с красным отливом – я никогда раньше не видела таких глаз и не могла знать, что скоро у меня будут такие же. Он улыбнулся и, не сходя с коня, отвесил мне изысканный поклон – слишком галантный даже для моего галантного времени. Это было движение из прошлого – из его прошлого, из кровавого и красивого XVII века, который он, бывший

мушкетер, всюду носил с собой.

На его мундире была кровь, когда он въехал в наш двор, и я не знаю до сих пор, была ли это кровь противника, убитого в сражении, или кровь его очередной жертвы.

На его мундире была кровь, когда он убивал моего мужа и меня.

Он был в крови, когда я впервые увидела его. И он был в крови, когда я видела его в последний раз, – он лежал с колом в сердце на куче хвороста, который натаскали мы с Серхио, в сарае, в затерянном уголке горной Швейцарии. Он был неподвижен и бледен, и глаза его были закрыты, но он не был мертв, конечно. Он бы ожил через некоторое время, если бы мы не сожгли его... Серхио передал мне факел, и я сама подожгла хворост, на котором лежало тело Этьена. Я смотрела на то, как языки пламени лижут сухие ветки, как они подбираются к его одежде, как начинает обугливаться его кожа. Но потом я вышла оттуда. Я ненавидела его всей душой. Но я не могла смотреть, как огонь пожирает живьем того, кто когда-то был человеком.

Нет слов, чтобы описать то, что я чувствовала тогда, стоя под низким, серым, пасмурным небом, глядя на зеленые склоны Альп и вдыхая вместо свежего горного ветра запах гари – запах тлеющей плоти. Серхио стоял ближе к воротам сарая – он все смотрел на наш чудовищный костер, и я до сих пор не решилась еще спросить его, что он при этом думал. Теперь, когда я знаю о своем лучшем друге больше, я до-

гадываюсь, что он вспоминал костер на площади в Мадриде – костер, на котором несколько веков назад сгорела его создательница и возлюбленная, Кармела. Наверное, поэтому у него было такое лицо – такое отрешенное и одновременно полное муки, словно он терял что-то дорогое. Наверное, он просто вспоминал. Не знаю – я не спросила его тогда, потому что мне было не до того. И не спрашиваю теперь, потому что это было бы... странно – спросить о таком после стольких лет.

Я знаю лишь, что тогда не испытывала радости – хотя следовало бы, я ведь отомстила. Я чувствовала скорее странное опустошение. Естественно – несколько лет у меня была цель: найти Этьена и убить его. И вот я сделала это и, конечно, ощутила странную пустоту. Так бывает, когда лишешься смысла своего существования. Но тогда я верила, что рано или поздно, когда боль и ненависть к мертвому монстру отпустят меня, я научусь радоваться жизни, и эта пустота чем-то заполнится. Я ведь видела своих «братьев» и «сестер» – многие из них были довольны и даже счастливы. Почему мне было не стать такой же? И в самом деле, на протяжении последующих лет мне выпадали приятные моменты. В моей жизни был некоторой смысл. Я нашла своих детей. Я заботилась о них и об их потомках. Я была привязана к Серхио, и его любовь, а затем дружба доставляли мне радость. Но все это было... не то. Все это не заполняло пустоту в моем сердце. Все это не делало мое существование... жизнью.

До тех пор, пока я не встретила Влада.

Один взгляд этих светлых глаз. Один блик солнца в рыжеватых, вечно взлохмаченных волосах. Одно гневное движение темных бровей – он ведь в штыки принял сперва навязанную ему боссами новую начальницу-стерву и очень на меня все время сердился... Одной секунды в его обществе оказалось достаточно, чтобы все для меня изменилось. О да, я думала, что с этим можно бороться. Что можно уберечь его и себя от того, что с нами стало происходить. Но я ошибалась... Я ничего не могла изменить.

И я ничего не могу изменить теперь.

Так что толку терзать его и себя сомнениями и страхами?

Я прижимаюсь к нему в нашей общей отныне постели и слышу, что дыхание его изменилось. Он просыпается и, еще в полудреме, его руки обнимают меня чуть крепче. Он целует меня в плечо, и я кожей чувствую его улыбку.

Он счастлив, и я счастлива. И мы будем жить с ним вместе, день ото дня, не думая о плохом.

Я оборачиваюсь к нему и в сером свете раннего летнего утра смотрю в его серые глаза. И он целует меня.

Смысл жизни иногда заключается в самых простых вещах.

3

Средь шумного бала, случайно, люблю я, усталый, прилечь.

Простите мой французский, у меня сейчас не очень хорошо с изложением мыслей – многовато шампанского. И какого черта я его столько выпил? Потому что чувствовал себя неловко, видимо. Собственно, это я и пытаюсь сформулировать, и в переводе с французского на нижегородский я имею в виду в общем совсем простую мысль. А именно: мне неуютно на парадных сборищах, я чувствую себя дураком и никогда не знаю, что сказать. В результате, когда в разговоре с очередным ужасно культурным собеседником возникает пауза, я хмыкаю, и крякаю, и осушаю бокал, за который все это время судорожно, как за соломинку, хватался. И мне, конечно, приходится брать следующий.

И бокалов оказывается слишком много.

Везет мне, что я арт-директор – человек типа по определению творческий, непредсказуемый и почти официально чуток «не в себе». Для творческой личности забиться в угол с корытцем выпивки и молчать, с непроницаемым выражением обводя взором зал, вроде как в порядке вещей.

Вот этим я, собственно, нынче и занят – стою, обвожу, и в бокале моем не переводится жидкость с пузырьками. Один из официантов взял надо мной шефство – каждые при-

мерно десять минут он будто бы невзначай проплывает мимо меня и «освежает», как он в манере трактирного подавальщика это называет, мой Moët & Chandon. Последние три раза он уже даже не спрашивает, хочу ли я этого, – он просто ловит мой вроде как непроницаемый взгляд и подходит с бутылкой.

Господа присяжные, я взываю к вашему сочувствию и молю о снисхождении! У меня есть смягчающие обстоятельства. За годы верной службы миру глянца я, кажется, еще никогда не был в таком странном месте – и в таком странном обществе.

Место действия, которое меня так ошеломило – парадный зал в неприметном с виду здании, соединяющем основной корпус Большого театра, тот, что на реставрации, с новым, тем, где в зале на потолке росписи кисти Зураба Церетели (и очень даже неплохие, между прочим). Здание это многоэтажное и светло-зеленое в белую горизонтальную полосу и выглядит снаружи обычным доходным домом конца XIX века. На деле же оно принадлежит театру. Не знаю (и знать не хочу), что у него на верхних этажах, но на первом, как я сегодня выяснил, имеется парадный зал. Причем не просто вам зал какой-то, а застекленный атриум: оказывается, зеленое в полосочку это только «лицо», за которым прячется квартал зданий с дыркой-двором посередине. И в этом удушающего уродства помещении с полированным до пугающего блеска полом и обилием как бы восстановленных колонн

и прочего и происходит нынешний прием. Этого чудорашного и заполненного зеленоватым, как в аквариуме или в Изумрудном городе, светом пространства мне и так бы хватило для утраты душевного равновесия. Но тут еще и люди собрались в высшей степени загадочные. Никакому Гоголю с его Коробочками и Ноздревыми не снилась эта гремучая смесь. Толстые чиновники в скверных костюмах. Лысеющие спонсоры в хороших, но скверно сидящих костюмах. Энергичные женщины лет сорока ростом метр сорок, все с длинными ногами, в очках и крупных бусах, все работают музыкальными критиками в газетах типа «Вестник кулис» и все лучше Плисецкой знают, в каком году она что танцевала. Балетные деятели неопределенного пола, подтянутые и все время странно откидывающие голову, словно они замерли на авансцене после серии этих, как их, батманов (НЕ Бэтменов!) и им надо сверкнуть белками глаз до самой галерки. Ну как Андрей Миронов в «Бриллиантовой руке», когда его Гена Козодоев одновременно смотрел на часы, откидывал челку и стучался башкой о стену. А еще есть старушки – настоящие, натуральные пенсионерки с торжественными укладками (где, интересно, те парикмахерские, где эти укладки до сих пор умеют делать?), и по ним не поймешь, они чей-то «обожаемый педагог» или «незаменимый концертмейстер» или просто администраторши тире билетерши, которых тоже пустили праздновать «с господами».

Ну и еще здесь есть я, который неизвестно зачем сюда

пришел, и пара-тройка вампиров – Марина, Стас Чепраков и Серхио. Эти выглядят весьма довольными собой, будто подобные сборища – самое нормальное дело. Бог его знает, может, так и есть – наверное, они за свои сотни лет видали сборища и постраннее.

Цель нашего присутствия здесь – отпраздновать официально заключенное соглашение о сотрудничестве журнала Alfa Male с организаторами постановки балета «Водоворот» на сцене Большого с последующим переносом в Гранд-опера. Ну то есть, конечно, вечеринка по поводу в принципе объявления о постановке, само по себе наше участие никто бы так бурно отмечать не стал, но мы приглашены именно потому, что обо всем договорились. Теперь мы тут, в этом странном мире, свои. Поэтому мне так неловко, что моих способностей поддержать разговор о балете хватает только на короткую паузу между двумя глотками шампанского. Я отчетливо ощущаю, что просто примазался к чужому торжеству. Как сказал кто-то умный: «Я чужой на этом празднике жизни».

Две недели назад мы встречались с организаторами всего этого балетно-обменного процесса, директором театра и парой спонсоров, и надо сказать, что после встречи у меня существенно отлегло от сердца. Главным образом потому, что оказалось – у них все-таки есть настоящий художник-постановщик, известный театральный деятель Лева Тихомиров, и ОН будет заниматься действительно серьезными пробле-

мами спектакля, а мне и Alfa Male отводится роль свадебного генерала. Что в данном случае вовсе не обидно – от этого реально легче: я искренне не представляю себе, какие, например, у балетов должны быть соотношения задников и боковых кулис, а Лева на этом собаку съел. Спрашивается, зачем им вообще понадобился кто-то посторонний ему в помощь? Ответ двояк. Во-первых, это Серхио и Марина намутили. Вампиры только в книжках умеют гипнотизировать, в жизни у них с этим напряженка, но они и без всякого гипноза умеют... ну убеждать. Каким-то образом благодаря их совместным речам у балетных людей возникло ощущение, что мы им делаем своим участием великую честь (а не что они нас милостиво допускают к серьезному проекту). Итак, благодаря моим вампирам спонсоры и прочие оказались убеждены, что я им жизненно необходим, а уж в каком качестве – им было все равно. Они даже припомнили, что вроде бы Лева говорил, что декорации он сделает, а вот с костюмами заморачиваться не будет. И я его в общем понимаю – с учетом того, что полное название балета должно звучать как «Водоворот (Событий? / Страстей? / ????)», и сюжет его неведом даже автору, питерскому авангардисту Лаврентию Пятницкому, то придумывать для него что-либо – задача адская. Декорации Лева предполагал сделать абстрактные (вот сюрприз, кто бы мог подумать?!). Костюмы, соответственно, ему годились любые, и он от их придумывания отмахался, так что мы со своими консультациями

и готовой кандидатурой Чепракова оказались очень кстати. К тому же – и это второе, что сыграло нам на руку, – Лева Тихомиров как раз об это время, недели две назад, куда-то подевался. Перестал приходить на совещания, перестал слать по мейлу эскизы декораций, перестал даже отвечать на телефонные звонки. Это было тревожно, но не слишком: Тихомиров человек богемный, с ним всякие загулы случаются. Но на фоне его исчезновения наши открытые честные лица показались организаторам особенно симпатичными и внушающими доверие. Мы с ними пожали друг другу руки, подписали какие-то бумажки о нашей роли в общем деле и о «степени репрезентации журнала-партнера в медиа-программе проекта» (то есть о том, в каких местах и насколько крупно будет напечатан на приглашениях, программках и в пресс-релизах наш логотип), и теперь можем праздновать.

Мне, правда, для настоящей атмосферы праздника недостает все-таки Левы Тихомирова – мне с ним сотрудничать, неплохо было бы хоть познакомиться. Но Марина меня утешила: сказала, что знает этого Леву, пересекалась с ним раньше и даже, можно сказать, дружит и обещает – рано или поздно он появится, и когда это произойдет, работать с ним будет легко и весело.

Марине и Серхио хорошо – они в этом театральном мире уже раньше варились, много кого знают... Да и вообще – о чем я? В какой, интересно, обстановке этим-то ре-

бяткам может быть неловко? И даже если вдруг будет – с какой стати они вдруг это покажут? Нет, у них все хорошо, если не на самом деле, то на вид уж точно. Вон они, стоят чуть поодаль, оживленно беседуя с демонического вида типом высотой примерно метра три, худым, как макаронина, и согнутом едва ли не пополам. Черные сальные волосы падают на лоб, черные глаза смотрят исподлобья, нос крючком, уши торчком, длиннющие руки опущены по швам, словно он не решается ими лишний раз пошевелить из опасения зашибить кого-нибудь ненароком. Похож на профессора зельеварения Северуса Снейпа из «Гарри Поттера», но на самом деле это дирижер нашего балета, Алекс Пападакис, страшно модный в московских музыкальных кругах. Не знаю, хороший ли он дирижер, я в этом мало понимаю, но имя у него громкое и внешность харизматическая, а больше, собственно, для пиара ничего и не требуется. Марина строит ему глазки (я не ревную – знаю, все для общего дела), Серхио, засунув одну руку в карман и держа в другой бокал, стоит рядом, с ленивой грацией прислонившись к уродливой зеленой колонне, изредка кивает рыжей головой в ответ на какое-то дирижерское бурчание и время от времени снисходительно улыбается. Удивительный он все-таки тип. Неужели за столько лет вампирской жизни, постоянно наблюдая его заносчивое поведение, никто ему в челюсть не двинул? Ладно люди – у людей против него нет шансов. Но свои-то почему его терпят?

Я бы не стерпел. Хотя я «своим» в этой семье никогда не буду. У меня другая роль – я обожаемый смертный, которого им приходится терпеть ради Марины.

Мой друг-официант снова подплывает ко мне с бутылкой наперевес. Наверное, мне хватит пить – достаточно уже набрался. Но делать мне нечего, и о том, чтобы тихонько ускользнуть и поползти домой, и речи быть не может – Марина заметит и расстроится, она все еще нервничает, когда я подолгу оказываюсь вне поля ее зрения. Значит, надо терпеть. Я улыбаюсь официанту, и он услужливо подливает мне шампанского.

На той стороне толпы, далеко от меня, Серхио ловит мой уныло блуждающий взгляд и вопросительно приподнимает бровь. Я не знаю, о чем он меня так вопрошает, и пожимаю плечами. Он легко касается Маринино локтя и что-то говорит ей на ухо, а потом... Потом я и оглянуться не успеваю, как он оказывается рядом со мной – свежий и сияющий, будто и не пил все это время с такой же интенсивностью, как я. А я знаю ведь, что пил!

– Что ты тут киснешь? – вопрос звучит мягко, едва ли не ласково, и он вопросительно склоняет голову набок, внимательно меня разглядывая и без сомнения подмечая разные признаки неумеренных возлияний вроде покрасневших щек и несколько косящего взгляда. Хотя надо быть справедливым к самому себе – до косящих глаз дело еще не дошло.

Я снова пожимаю плечами:

– Ну как не киснуть? Место странное, люди странные, и я не понимаю, что тут вообще делаю.

Он улыбается:

– Добро пожаловать в волшебный мир музыкального театра. Ты думал, глянец – это странный бизнес? Ха, ха, ха и еще три раза ха. Эти господа дадут фору кому угодно. Они настолько же страннее людей глянца, насколько музыка как занятие старше книгопечатания. А это, как ты понимаешь, большая разница в возрасте.

– Тебе виднее. – Ему и правда виднее – он немногим моложе книгопечатания. Как бы я хотел не испытывать по отношению к нему зависти – просто не обращать внимания на то, как он уверен в себе, расслаблен и опытен. И просто забыть о том, что он знает Марину гораздо лучше, чем я, – понимает ее на каком-то глубинном физическом уровне. Так, как я никогда не смогу.

Серхио наклоняется ко мне и строит гримасу заговорщика:

– Ты не представляешь себе, Влад, как это забавно, если знать всю подноготную.

– Оно и без подноготной довольно забавно.

– Да, верно, но есть разные детали... – Он выпрямляется, и на его красивом лице вдруг появляется мечтательное – но-стальгическое – выражение. – Я смотрю на все это, и знаешь, что я вспоминаю? Прагу времен Моцарта. Вот был змеюшник!

Я смотрю на него в ошеломлении:

– Ты мне что сейчас сказал – что знал Моцарта, да?

Он качает головой с притворной скромностью:

– Не слишком близко. Так, пересекались пару раз.

Терпеть его не могу!.. Самодовольная скотина.

Я не успеваю придумать никакого остроумного (да и вообще никакого) ответа на это сенсационное заявление, потому что, видимо, почувствовав, что он испытывает мое терпение, наш испанский гранд вдруг обращается ко мне своей дружелюбной, почти человеческой стороной и говорит нормальным компанейским голосом, по-свойски, как мужик мужику:

– Умираю – жутко хочу курить. Пойдем на крыльцо выйдем?

Я его понимаю отлично – мне самому очень хочется покурить. Но я все равно бросаю взгляд на светлое небо за перекрывающим двор стеклом:

– А как же солнце?

Он отмахивается:

– Ничего страшного – оно уже низко, найдется тенок. Дело-то к вечеру.

Он прав, конечно, – уже около пяти, начинает смеркаться. И ему, и Марине уже можно на улицу – солнце не причинит им вреда.

Мы протискиваемся сквозь толпу. Марина отрывается от сальноволосого дирижера и посылает нам вопроситель-

ный взгляд. Серхио безмолвно поднимает вверх руку с пачкой сигарет. Она понимающе кивает.

Мы выходим на крыльцо, под осуждающим взглядом охранника синхронно щелкаем зажигалками и с наслаждением затягиваемся. Рискую нарушить мгновение мужской солидарности, я спрашиваю о том, что меня давно занимает:

– Серхио, а как ты вообще куришь? У вас же такие носы чувствительные.

Он стряхивает пепел на брусчатку и усмехается:

– А как мы вообще живем в современном мире, среди всего этого бензина и прочей вони? Приспосабливаемся. Ко всему можно приспособиться и даже полюбить. Ты не представляешь себе, какой раньше был воздух – как сильно вообще меняется жизнь...

На его лице снова появляется тень мечтательности, и я невольно отмечаю:

– Что-то ты сегодня какой-то... ностальгически настроенный.

Серхио заметно мрачнеет и с секунду смотрит на тлеющий кончик своей сигареты. А потом говорит негромко:

– Да так, мысли всякие навалились. Вспомнил кое-что...

Что именно, он мне, конечно, не скажет – он же вампир.

Да мне, наверное, лучше и не знать. Он же, как уже было сказано, вампир.

С минуту мы стоим молча – не сговариваясь, мы закурили еще по одной, словно никотином можно закинуться впрок.

Серхио поднимает голову и смотрит в полумрак – на гранитные ступеньки, которые спускаются от корпуса, в котором происходит прием, к площади Большого театра, все еще перегороженной строительными заборами. По ступенькам кто-то идет, и Серхио, естественно, уже услышал шаги.

Человека едва видно в сером вечернем свете – я, например, его лица различить не могу, отмечаю только, что он невысокий и мускулистый и двигается как-то странно – одновременно торопливо и неуверенно. Серхио, однако, при виде его улыбается:

– А вот и наш пропавший постановщик – Лева Тихомиров. Сейчас я вас познако... *Madre di Dios!*..

Человек подошел уже совсем близко, и можно разглядеть его черты. У него приятная смуглая еврейская физиономия: чуть вздернутый нос, эспаньолка, подвижные губы и печальные собачьи глаза с пушистыми ресницами. Я не понимаю, что в этом чуточку пижонистом, но безобидном человеке в черной майке и джинсах заставляет Серхио – всегда такого спокойного, невозмутимого и самоуверенного, – встрепенуться, вскинуть голову, как почуявшее опасность животное, и перейти для выражения озабоченности на свой родной испанский.

Тихомиров подходит к нам – он явно узнал Серхио и намеревается поздороваться. Он протягивает ему руку для пожатия – все с той же тенью неуверенности, которую я заметил в его походке.

– Серега, дружище! Какими ты тут судьбами?

Серхио тоже протягивает ему руку. У него настороженное лицо, ноздри подрагивают – он словно принюхивается, ожидая подтверждения какой-то догадки.

Их руки соприкасаются, и Тихомиров испуганно охает. А Серхио едва заметно кивает головой. Его догадка – о чем бы она ни была – только что подтвердилась.

Тихомиров напряженно смотрит ему в глаза:

– Ты?..

Серхио хмурится, призывая его молчать:

– Не здесь. Не сейчас. – Он с заметным усилием отвлекается на секунду и оборачивается ко мне. – Влад, позволь я вас познакомлю. Это Лева Тихомиров, постановщик «Водоворота». Лева, пока тебя не было, ты приобрел консультанта по костюмам – это Влад Потоцкий, арт-директор Alfa Male.

Тихомиров улыбается, хотя как-то кривовато, и протягивает руку и мне. Я отвечаю на рукопожатие.

Серхио смотрит на нас с непроницаемым выражением лица.

Рука у Тихомирова холодная, как лед.

И глаза – теперь, когда я вижу его вблизи, и могу рассмотреть их получше... Глаза у него не просто карие, как мне показалось.

Они отливают красным.

Он – вампир.

Это, конечно, шок. Но не это меня удивляет – в конце

концов, в постановке этого «Водоворота» уже замешаны три вампира, почему ж не быть четвертому? Удивляет меня другое – то, как реагирует на ситуацию Серхио. Он ведет себя так, как будто искренне озадачен и обеспокоен. Как будто происходящее стало для него сюрпризом.

Меня осеняет, и я бросаю на Серхио быстрый взгляд. Если бы взгляды в самом деле могли что-то выражать, мой бы громко спрашивал: «Это что ли **НОВЫЙ** вампир? То есть раньше Лева Тихомиров вашим братом не был?»

Кажется, Серхио мой немой вопрос слышит. Он отвечает мне легким кивком. Нет никаких сомнений – вид у него встревоженный. Я понятия не имею, почему – остается только догадываться. Наверное, у них такие вещи не часто случаются – не часто тебе на голову сваливается старый знакомый, который оказывается новообращенным родственником. Не знаю, насколько это в порядке вещей – я вообще не знаю, насколько часто они... ну пополняют свои ряды.

Серхио пристально смотрит Тихомирову в глаза:

– Послушай меня, Лева. Нам явно нужно поговорить – есть о чем. Но мы не можем уйти отсюда прямо сейчас. Мне нужно... переговорить кое с кем. А ты, если уж дошел до сюда, должен появиться перед коллегами – пусть видят, что ты жив и здоров. Скажи, что у тебя был грипп и завалился за диван телефон... Придумай что-нибудь. Встретимся здесь же через четверть часа. И я умоляю тебя – держи себя в руках. Я знаю, ты нервничаешь. Но это не так трудно, как кажется:

держат себя в руках.

Тихомиров послушно кивает, не оспаривая авторитета Серхио. Может, у них такая особенность видовая – беспрекословно подчиняться старшим?

Тихомиров молча заходит внутрь здания. Серхио несколько секунд смотрит в пространство, явно ничего перед собой не видя. А потом говорит тихонько:

– Черт!..

В его голосе в этот момент слышны прожитые им века опыта – века приключений и злоключений.

Он переводит взгляд на меня:

– Ты понял, в чем дело, да? Он новенький. Его кто-то обратил только что – видимо, за ту пару недель, пока никто не мог до него дозвониться. Черт, черт, черт... Это ужасно некстати, и это очень странно. – Он делает короткую паузу и разворачивается к дверям. – Нам нужно поговорить с Мариной. Надо быстрее увести его отсюда.

Мне нет нужды переспрашивать – почему. И так ясно, что молодой растерянный вампир в толпе людей – расклад не самый хороший.

Оказавшись в зале, Серхио моментально находит Марину – она как раз оставила полностью очарованного дирижера и подошла к фуршетному столу, чтобы взять бокал шампанского. Мне за Серхио не успеть, и поэтому я наблюдаю их разговор со стороны, как пантомиму. Я вижу, как Марина скидывает на него взгляд и улыбается. Вижу, как он быстро

шепчет ей на ухо, и на ее лице появляется шокированное – испуганное – выражение. Она обводит глазами зал, ища меня. Нет, ну она абсолютно предсказуема – любое событие первым делом вызывает у нее тревогу, «как бы чего не случилось с Владом». Серхио продолжает говорить, но она слушает вполуха. Я машу ей рукой. Она выдает мне слабую улыбку.

Наконец я до них добираюсь и слышу обрывок фразы Серхио:

– ...Его надо расспросить. Нам нужно спокойное место.

Марина кивает:

– Никаких проблем – давайте пойдем ко мне.

– Ты считаешь, это разумная идея? У тебя там Влад.

А он... Марина, он непредсказуем.

Я так понимаю, что речь не обо мне. И я хочу, конечно, со своей стандартной бравадой заявить, что за меня беспокоиться не стоит, но не успеваю.

Марина вскидывает голову, и глаза ее расширяются – она тревожно вслушивается во что-то далеко от себя. Серхио тоже замирает, глядя куда-то поверх толпы. Потом их взгляды встречаются, и Марина шепчет:

– Ты чувствуешь?

Он поджимает губы:

– О да. Проклятье!

Оба, не говоря больше ни слова, срываются с места и углубляются в дальний конец зала – туда, где расположен проход в служебные помещения, туалеты и спуск в длинный

подземный переход, который соединяет старый корпус театра с новым, – по нему предполагается в будущем доставлять со склада декорации, как мне объяснили в дирекции.

Я спешу за ними. Может, и не надо – но они ведь не ска-зали мне оставаться на месте, верно?

Я едва успеваю – оставив толпу позади, уверенные, что на них никто не смотрит, они стали двигаться со своей нор-мальной, молниеносной скоростью. Я вижу только их стре-мительные тени – размытые, как движущаяся фигура, пой-манная на фотографию.

Они спускаются в темный, освещенный лишь синеватыми техническими лампами коридор – и замирают.

Я останавливаюсь за их спинами и заворожено смотрю на сцену, которая разыгрывается у дальней бетонной стены. Заворожено, да – потому что страшные вещи тоже завораживают.

Я знаю теперь, что они почувствовали в зале – что заста-вило их ринуться сюда.

Лева Тихомиров сидит на полу, скорчившись, обхватив руками колени. Рядом с ним лежит какая-то бесформен-ная груда белого с красными пятнами тряпья. И еще поднос с опрокинутыми, частично разбитыми грязными бокалами от шампанского. Осколки мертвенно поблескивают на бе-тонном полу.

Это не груда тряпья на самом деле.

Это белое форменное платье. Платье одной из официан-

ток, работавших сегодня на приеме. Она, видимо, относила бокалы в подсобку.

И это не просто красные пятна.

Это кровь.

Лева Тихомиров ощущает наше присутствие – он слышал наши шаги. Он поднимает голову и поворачивает к нам лицо, которое прятал в коленях.

Он весь в крови, и в глазах у него растерянность и ужас.

Он смотрит на Серхио и шепчет, обращаясь к нему одному:

– Мне так жаль... Мне так ужасно, ужасно жаль..

Я всегда был романтиком. Можно, наверное, сказать даже, что я сентиментален. Не думаю, что многие знающие меня согласятся с такой характеристикой – возможно, они решат, что я хочу казаться лучше, чем я есть, пытаюсь претендовать на чувства, которыми не обладаю. Уверен, что со стороны я выгляжу... Не жестоким, нет – хотя кто-то, наверное, и жестоким готов меня назвать. Видит бог, в моей жизни бывали моменты и даже периоды, когда я вел себя... жестоко, верно – нет другого слова. Жестоко. Но ведь это не потому, что я наслаждался этим – я не был жесток ради самой жестокости. У меня просто не было выхода, или он был, но я не видел его. Мне было больно.

Я ненавидел себя и мир вокруг себя. И тогда мне помогало только одно: презрение ко всему. Я уничтожал все, что мне не нравилось или мешало, – все, что стояло на моем пути к тому, что было мне желанно.

Проблема всегда была в том, что я ничего особенно сильно не желал. И поэтому, наверное, моя решимость добиться того, что мне в сущности было не нужно, и казалась жестокостью. Ненужной жестокостью. И меня за нее осуждали – очень многие.

Больше всех – она. Она никогда не могла понять, что мною движет. Может быть, не хотела. Да и с чего ей было хотеть? Я никогда не давал себе труда остановиться и постараться показать ей, что чувствую. Возможно, я сам тогда не сознавал, что со мной происходит, и потому не видел необходимости объяснять. Как я мог объяснить ей то, чего сам не понимал? Я двигался по инерции, я потакал своим желаниям и был мимолетно счастлив – как счастлив человек, дорвавшийся после долгого перерыва до еды. Он не разбирает вкуса того, что торопливо надкусывает и глотает, – его радует само чувство насыщения. Горечь от того, что ты не распробовал яства, и значит, зря потратил их, приходит потом.

Ко мне горечь пришла, когда я потерял ее. Не просто потерял, а понял, что она не желает меня видеть. Что я ничто для нее. Ее гнев, ее презрение, даже ее ненависть я мог бы понять – это все-таки сильные чувства, и мне ка-

залось, что я могу вызвать в ней сильные чувства. Но она не хотела чувствовать ко мне ничего.

Ее равнодушие ранило – ранило очень сильно, сильнее всего, что я испытал в жизни. И я извлек из него урок – я решил не потакать больше своим желаниям, по крайней мере не делать это бездумно. И от этого я впал в другую крайность. Никаких больше жестокостей – мое поведение в последние годы было, можно сказать, безупречным. Но зато я стал равнодушным. Я так тщательно обдумывал каждое желание, что в конце концов убеждал себя – мне и не нужно вовсе то, что мне было померещилось. Не стоит труда. Не стоит борьбы. Я шел по жизни бесстрастно.

Еще и поэтому немногие согласятся с тем, что в глубине души я романтик.

Но это в самом деле так. И дело не только в том, что я всегда любил соответствующие книги (о, как глубоко проник меня в свое время «Великий Гэтсби» – мне казалось, что каждое слово в этой истории о невозможности любви написано обо мне!), и что я всегда любил оперу, и «Призрака Оперы» смотрел, наверное, сотню раз... Эти вещи в наше время не доказывают романтичность – они только заставляют людей сделать вывод о твоей приверженности содомскому греху, но это, при избранной мною профессии, и так никого бы не удивило... Нет, дело не в моих вкусах – они лишь отражение того, что всегда творилось в моей душе. Я всегда верил в нечто БОЛЬШЕЕ, чем я сам. В Великую Цель –

ради нее я пошел на свою первую войну и потом на другие войны. В Великую Любовь – и я ведь нашел такую любовь, нашел, когда встретил Ее. В Великую Вину – и как мне было не верить, если я виноват перед Ней?

Я не верю только в искупление – не вижу пути, которым его можно достичь. Но я верю в ожидание. В верность, если хотите. Я верю – верил – что если я буду долго ждать и буду терпелив, то она простит меня. Что она оценит, как сильно я люблю ее. Поймет, что мной двигало и движет, несмотря на все мое показное равнодушие.

Каким же ударом для меня был момент, когда она встретила этого мальчишку и полюбила его! Она сразу, не рассуждая, подарила ему все то, чего я так от нее и не дождался. Понимание. Сочувствие. Чуткость... О, как она была настроена на все мельчайшие перемены в его настроении! Какими глазами смотрела на него. Какие глубины в нем видела... Я не знаю, есть ли они в нем, эти глубины, – мне все равно, даже если его душа глубока, как Марианская впадина, и в ней сокрыты великие богатства. Мне все равно – мальчишка не интересуется меня. Меня ранило и ранит то, что она сразу отдала ему свое сердце – этот бесценный, бесценный дар. Сразу решила, что он достоин ее. Достоин ее любви.

Я спрашиваю себя иногда, почему я не убил его сразу – тогда же, когда он только возник у нее на пути? Думаю, я знаю ответ. Меня остановило любопытство. Я хотел по-

нять, что ее зацепило в нем. Что в этом юноше такого, что она видит в нем то, чего не желала замечать во мне.

Любопытство – и мучительная зависть. Я хотел рассмотреть его получше. Хотел понять, чем же он так отличается от меня. Чем он настолько ЛУЧШЕ меня, что она сразу его оценила. И не надо говорить мне о вине перед ней, о вездесущая совесть! Она отвергла меня еще до того, как я в чем-либо провинился перед ней. Она просто сразу меня невзлюбила. А его, этого мальчишку, сразу полюбила.

Это ошеломляюще несправедливо на самом деле. Это заставляет меня вспоминать фразу, вычитанную мной когда-то у самого неожиданного автора – у Карла Маркса. Он сказал буквально следующее: «Если ты любишь, не вызывая взаимности, т.е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье». Изложено сухо вато, что неудивительно для экономиста, но очень верно. Я могу подтвердить каждое слово.

Моя любовь бессильна, и она – несчастье.

И это тоже очень романтично, не правда ли?

То, что я сижу здесь, в своем кабинете, один и методично извожу великолепный Martell на то, чтобы забыться, и пишу свои мысли в тетрадку, как нервный подросток, – тоже глупо. И романтично, не правда ли?

То, что я извожу себя, наблюдая за их счастьем, – это

тоже романтично. Пуччини написал бы мне прекрасную арию по этому поводу.

Это самоистязание – наблюдать за ними – вошло у меня в привычку. Я даже свои деловые поездки планирую таким образом, чтобы оказываться рядом с ними как можно чаще. Когда она переехала в Москву, решила вернуться на родину после стольких лет, я последовал за ней. Открыл магазин совсем рядом с ее офисом – благо на углу Петровки и бульваров всегда было полно местечек, подходящих для небольшой антикварной лавки. Покупателей у меня, конечно, там было немного, но я не ради прибыли его открывал. Я сделал это, чтобы быть поблизости – чтобы видеть ее чаще и оставаться незаметным для нее. Я ведь не хочу нарушить ее покой. Это ведь тоже романтично – обожать ее издали, не вмешиваясь ни во что...

Но однажды мне представилась возможность вмешаться, и какое же странное чувство я испытал! Это было незадолго до Нового года – первого Нового года, который они собрались встречать вместе, она и ее мальчишка. Был серый, пасмурный московский день, идеальный день для того, чтобы молчать и думать. Я смотрел в окно своего магазина, равнодушно скользя взглядом по копошащейся на улице людской массе – они шли по неровному обледенелому тротуару, поскользываясь и ругаясь. И вдруг увидел его – мальчишку, которого она любит. Он шел, как обычно, без шапки, зябко сутулясь в своей черной кожаной куртке, и на его рыжева-

тых вихрах оседали снежинки. Он притормозил возле моей двери и с секунду смотрел на нее, будто что-то обдумывая, а потом вдруг вошел внутрь. Колокольчик, который я установил на двери, тихонько звякнул. Я затаил дыхание, глядя на него – на соперника, который неосторожно оказался в моей власти.

Несколько секунд он стоял, медленно оглядывая захлавленную антикварным мусором комнату, – его глаза привыкали к полумраку.

Я мог убить его тогда.

Почему я его не убил?

Вместо этого я вышел вперед из-за прилавка и спросил его, могу ли я чем-то ему помочь. Он покраснел – я заметил, что он часто краснеет, – и пробормотал, что ищет подарок для своей девушки. Он запнулся немного перед словом «девушка», и я понимаю его – как-то странно называть ее этим банальным словом. Запнулся, все-таки сказал его, а потом поправился и употребил выражение более торжественное – «возлюбленная».

Я не мог не улыбнуться этой поправке. И за это – за то, что он понимает, какая ценность ему досталась, – я тоже не убил его.

Я подозвал его к прилавку с ювелирными украшениями. Там было много всего – безделушки, мелочи, медальоны со старыми эмальями, серьги со стразами и кольца с полудрагоценными камнями. Он некоторое время склонялся над

этой россыпью на бледной подушке из розового бархата, задумчиво касаясь пальцем то одной, то другой блестящей штучки. А потом – безошибочно, точно, взглядом художника, а этого я не могу отнять у него – он и в самом деле художник... Потом безошибочно извлек на поверхность то, что на самом деле подходило ей. Цепочку из тусклого старого золота с гранатовой подвеской на ней. Несколько секунд он держал вишнево-красный камень на ладони, а потом сказал, подняв на меня взгляд: «Вот это. Я возьму вот это». Он сделал паузу и добавил – похоже, сам не зная, зачем: «Это подходит к ее глазам».

Я кивнул, упаковал выбранное им украшение и отпустил его. Я не убил его – в тот момент. Потому что увидел в его взгляде... нечто особенное.

Когда он говорил о ее глазах, я ощутил вдруг: он смотрит на нее так же, как я. Он видит в ней то же, что вижу я. Она значит для него так же много.

В эту секунду он был не соперником мне. Он был такой же, как я, жертвой любви, которая БОЛЬШЕ человека. Великой Любви.

Я видел потом этот кулон у нее на шее. Она носит его с гордостью – потому что это его подарок, и он угодил ей этим подарком.

Мне болезненно-приятно сознавать, что она носит на шее – с гордостью – МОЙ подарок. Она счастлива МОИМ подарком.

Я не хочу думать о том, что, зная она об этом, она, вероятно, сорвала бы цепочку со своей шеи с отвращением и презрением.

Я ждалок. Я радуюсь своей тайной причастности к их счастливой жизни. Я веду себя как какой-то Квазимодо, наблюдающий с колокольни за танцующей Эсмеральдой и ее козочкой. Козликом, в нашем случае.

Это ли не романтично?!!

Сегодня – первый день нового этапа моей жизни. Вчера вечером я наблюдал за тем, как они помирились после своей недолгой разлуки – под дождливым небом Лондона, в ее машине. Я смотрел на них и принимал решение о том, что я не убью мальчишку. В этом – новый этап моей жизни. Раньше я думал, что убью его рано или поздно, что просто откладываю это. Теперь я решил: он будет жить. Я выбрал это. Выбор принес мне успокоение. Временное, возможно. Но все же это некоторое облегчение – после всех волнений, что я испытывал раньше, глядя на их счастье.

Сегодня я видел их снова. Лондонское небо не было благосклонно к влюбленным – вместо того чтобы продолжить поливать их дождем и дать возможность спокойно гулять по городу, погода «порадовала» солнцем. Они все равно вышли на улицу – бог весть зачем, может быть, она захотела купить себе или ему что-нибудь. Наверное, так, иначе – почему они оказались на Нью-Бонд, улице бутиков, ювелирных и антикварных лавок? Почему в два пополудни проходи-

ли мимо моих окон? Не для того же, чтобы помучить меня зрелищем своего счастья. Они ведь не знали, что я увижу их – что я все время наблюдаю за ними.

Они шли по улице, взявшись за руки. Она оделась так, чтобы получше защититься от солнца – в темных очках, в плаще с поднятым воротником, в перчатках. Но все равно ей приходилось держаться в тени. Так они и шли – она по узкой полоске тени вплотную к стенам зданий, а он – на солнце, и граница света и тени проходила по их сомкнутым ладоням. Это было очень символично. Она, такая бледная и хрупкая в своем полумраке. Он, такой живой и теплый, с солнцем в волосах.

Свет и тень разделяли их, но они были вместе. Они улыбались. Болтали.

Я знаю, что нет. Но я так хочу хотя бы на мгновение забыть о том, как сильно она меня ненавидит.

Я не хотел прислушиваться. Я просто смотрел на них через стекло, из сумрака своего магазина. Из сумрака своей жизни.

На секунду, когда она повернулась чуть энергичнее, что-то говоря ему, воротник плаща распахнулся, и я увидел мельком ее шею. На ней была та самая цепочка с гранатом – та, что он подарил ей на Новый год. Моя цепочка.

Я думаю иногда, как символичен подарок, выбранный ее мальчиком едва ли не случайно. Камень гранат ведь назван так потому, что похож на зерна граната – плода, вырос-

шего из капли крови Диониса. Гранат – символ бессмертия. Символ нерасторжимого брака: Аид заставил свою похищенную невесту Персефону съесть гарантовые зерна, и она была обречена всегда возвращаться к нему в царство мертвых. Я тоже похитил себе когда-то невесту, и она всеми силами стремилась сбежать: все в моем мире ей претило. У меня не было зерен граната, и я не мог удержать ее, привязать к себе неразрывно и навсегда, как привязан к ней я. А теперь она носит на шее их каменное подобие, и получила этот дар от меня. Но вернет ли это мне мою Персефону?

Я знаю, что нет. Но я так хочу хотя бы на мгновение забыть о том, как сильно она меня ненавидит.

Как бы я хотел быть с ней рядом – вот так же, как он, держать ее за руку и видеть ее улыбку, обращенную ко мне. Это, собственно, все, чего я хочу, – чтобы она улыбнулась мне. Без горечи. Без презрения. Я понимаю, что она никогда не посмотрит на меня с любовью – никогда не вернется ко мне, как бы долго я ни ждал. Я уже перестал надеяться на это.

Но я хотел бы увидеть хотя бы раз в жизни, что она улыбается мне.

4

Смеяться сейчас совершенно некстати – нам всем не до смеха. Но мы выглядим так нелепо, что сдержать нервный смешок я не могу.

Растрепанные, расхристанные, усталые, глаза красные и лица бледные у всех – и у нас с Серхио, вампиров, и у Влада, человека. Усталость и напряжение стерли разницу между нами – мы выглядим одинаково. Одной семейкой – так нас, вроде бы, обычно называет Влад, «семейкой»? Нам, всем троим, пришлось сегодня нелегко. И самое гнусное, что наши проблемы, похоже, только-только начинаются.

Я протягиваю руку в сторону Серхио и говорю:

– Дай бутылку, а?

Мой старый друг, сидящий сейчас на парапете террасы при квартире на Покровке в полурасстегнутой рубашке, со свисающим с шеи развязанным галстуком, оперев один локоть на согнутое колено и запустив пальцы в рыжие волосы, свободной рукой безмолвно протягивает мне бутылку темного Bacardi. Бог знает, почему из всех напитков моего мини-бара мы остановились на роме. Даже Влад, который крепкое спиртное не любит, возражать не стал. Чувствует, наверное, что наши трудности обычным вином не зальешь.

Ром хорош, он не просто крепок, он вкусен, и его терпкая сладость на секунду позволяет отвлечься от металлического

привкуса страха, который не покидает меня уже давно – с той секунды, как мы обнаружили в подвале Большого театра но-вообращенного вампира и тело его жертвы.

Несколько секунд мы стояли оцепенев, все трое. Влад стремительно побледнел – я видела это краем глаза, но ему удалось сдержать очевидно возникший у него позыв к рвоте. Неудивительно – он видит уже не первый труп. Неудивительно, но страшно и неправильно... Обнаружение трупов не должно входить у него в привычку. Но, похоже, войдет. Таково неизбежное следствие близости ко мне.

Влад побледнел, но промолчал. Я тоже – как ни неуместно, как раз в этот момент я чувствовала себя как никогда живой, слабой и растерянной, и мне просто нечего было сказать. Серхио, обычно отличающийся снобистской невозмутимостью, слегка ее подрастерял – он хмурился и что-то бормотал себе под нос. Подозреваю, что замысловатые старинные испанские проклятья.

Облегчив душу, он обернулся ко мне и сказал подчеркнуто спокойно:

– Душа моя, есть несколько вариантов того, как нам поступить. Мы в принципе можем уйти отсюда и сделать вид, что ничего не знаем.

Он приподнял бровь, ожидая ответа, но вместо меня ответил бедный Тихомиров:

– Господи, нет! Умоляю, не бросайте меня... Я не знаю, что мне делать!..

Я кивнула:

– Он прав. Это неприемлемо. Допустить, чтобы его поймали с поличным, слишком опасно. Должна же хоть какая-то секретность сохраняться.

– Знал, что ты так скажешь. – Серхио обращался только ко мне, игнорируя до поры до времени сам факт присутствия Левы. – Второй вариант: мы звоним нашему чудесному брату из прокуратуры – тому, с кем так дружен Грант. Думаю, что он не откажет в помощи, – в конце концов дело сохранения секретности для нас общее, верно? У нас ведь есть его телефон? Скажи мне, ради бога, что есть, querida.

Ох уж эта его ирония!

– Есть.

– Отлично! Мелочь, но приятно. Итак, мы звоним ему. Но что мы ему говорим? Что нашли труп и убийцу в подвале главного театра страны? Подобный план меня как-то не вдохновляет. Мы только что заключили чудесное соглашение о сотрудничестве с этим театром. Нам совсем не нужно, чтобы у театра были неприятности, верно?

Влад, который безмолвно переводил взгляд с меня на Серхио и обратно, прочистил горло и спросил – все равно хрипло:

– Что ты предлагаешь? Закопать ее где-нибудь по-быстрому? Боюсь, тут уже не осталось открытых котлованов – все фундаменты засыпали.

Серхио улыбнулся – его радуют проявления здоровой

иронии и крепости духа со стороны Влада:

– Нет, у меня есть идея получше. Хотя, возможно, тебе, смертный, она не понравится. Что такое сейчас представляет собой Большой? Большую... стройку. А что такое стройка? Это множество рабочих-гастарбайтеров. По-моему, у нас есть решение проблемы.

Предложение Серхио заставило вздрогнуть даже меня:

– Ты хочешь подбросить труп невинным людям?

Он пожал плечами:

– Это лучше, чем подставиться самим.

– Господи, Серхио, у тебя вообще совесть есть?! – Голос Влада звучал возмущенно, но как-то... устало. Словно он мысленно уже – заранее? – смирился с тем, что спорить с нами в общем-то бесполезно.

Серхио с секунду смотрел на него пристально и спокойно, как будто серьезно обдумывал его вопрос, а потом ответил:

– Совесть у меня, возможно, нет. Зато со здравым смыслом все в порядке. Что такого ужасного я предлагаю? Я не собираюсь подбрасывать кому-то из этих несчастных таджиков кровавые тряпки под матрас или измазывать им, спящим, руки кровью... – Он снова задумался, и выражение его лица стало тревожно мечтательным, словно мысль и правда показалась ему соблазнительной, но потом встряхнулся и продолжил: – Нет, мы просто уберем тело из опасного для всех нас места и положим его там, где... Где нашему другу из прокуратуры будет легче объяснить его появление. И легче бу-

дет замять дело. Не думаю, что кто-то при этом пострадает. Хотя даже если так... Как там в анекдоте про медведя, который хвастается перед волком, охранявшим отару и уволенным за кражу овец, что работает сторожем на стройке? «А мне хорошо – таджиков никто не считает!»

Одна из вещей, которые не перестают меня поражать в моем старом друге – его способность в самые напряженные моменты отвлекаться на какую-то ерунду. Ну кто еще, кроме Серхио, решил бы сейчас припомнить дурацкий анекдот? Думаю, Влад тоже подумал о чем-то подобном – он развел руками, признавая, что с ТАКОЙ логикой не поспоришь. Серхио удовлетворенно кивнул – он любит, когда окружающие признают его правоту. И, надо заметить, часто бывает доволен, ибо часто оказывается прав. Согласовав с нами свое очевидно давно – сразу – принятое решение и уладив таким образом «формальности», он обратил свой взор к Ле-ве Тихомирову, который продолжал сидеть на бетонном полу, сгорбившись и обхватив руками колени:

– Перенос трупа даст нам еще одно преимущество. А именно – время для того, чтобы побеседовать с нашим новым братом. Мне о многом надо расспросить его. И я бы предпочел заниматься этим в спокойной обстановке, без сопровождающей всякое следствие суеты.

Влад, конечно, подумал в этот момент, что Серхио говорит об обычном милицейском расследовании, и бог свидетель, это и правда занятие суетливое. Но я знаю, что на са-

мом деле имел в виду мой друг.

Появление нового вампира – нерядовой случай в распорядке существования моей семьи, и обстоятельства каждого обращения тщательно изучаются Старшими – если не всеми вместе, то хотя бы неофициальными главами «территорий». Это более значительное событие, чем даже неосторожное убийство. Обычный труп можно спрятать, или замять дело. Обращение – это не просто исчезновение человека, но очень часто еще и его последующее появление в новом качестве. Мало кто из молодых вампиров оказывается в силах сразу уйти в тень, оторваться от прежней жизни, не навестив своих близких, свою семью. Уходить все равно, конечно, приходится – мы не можем допустить, чтобы люди замечали нашу вечную молодость, изменения внешности, привычек и поведения, и потому с теми, кто знал нас при жизни лучше всего и может эти перемены заметить, мы прежде всего и расстаемся. Но иногда новообращенному удастся хотя бы некоторое время жить своей прошлой, человеческой жизнью, не выдавая себя. Гораздо чаще, однако, более опытным вампирам приходится перевозить новичка в другое место, скрывая от прежних знакомых, – эта операция чем-то похожа на программу по защите свидетелей. В любом случае Старшие должны быть уведомлены об обращении – каждый неопытный вампир представляет угрозу общему благополучию и безопасности: он может нас выдать, привлечь к семье ненужное внимание. Обращения не могут происходить бес-

контрольно: нас не должно быть слишком много, чтобы конкуренция за пищу и территорию не обострялась сверх меры, как это иногда бывало в Средних веках – в Восточной Европе, например. Тогда вампиров в тех местах стало такое множество, что люди начали говорить о нас и оставлять подробные свидетельства, что не принесло семье никакой пользы. Пришлось заматывать следы, придумывать разные нелепости, чтобы правда затерялась в них и перестала выглядеть убедительной. Это было нелегко, но нам это удалось – то, что болгары и румыны в XVI веке знали доподлинно, теперь признано фольклорным вымыслом. Но то, что можно было еще хоть как-то контролировать в XVI веке, совершенно неприемлемо в XXI. Шепоток невежественных крестьян – одно. Фотографии и посты в Twitter или Facebook – совсем другое. Страшно даже представить, что будет, если доказательства нашего существования появятся теперь, в эпоху всеобщей информированности и, главное, мгновенного распространения информации.

Чтобы предотвратить неприятности, за новичком нужно присматривать. И обычно за тем, чтобы новый вампир не натворил дел, следит его создатель. Он же должен и объяснить Старшим, что заставило его совершить обращение. Обычно такое разбирательство – простая формальность. Но в нашем случае дело сразу осложнилось тем, что Лева Тихомиров совершил заметное убийство... Это было плохо. Ни один серьезный создатель не должен был допускать такого. Даже

Этьен долго муштровал меня, прежде чем выпустить к людям, – даже у этого беспринципного монстра хватило разума обучить меня самоконтролю, чтобы я ненароком не выдала семью.

Создатель всегда обязан заботиться о своем «ребенке». И то, что его – кто бы он ни был – не было сегодня рядом с неопытным Тихомировым, казалось весьма странным. Именно на это намекал Серхио, говоря о том, что ему нужно расспросить Леву. И желание сделать это в спокойной обстановке мне тоже было понятно: Серхио еще не Старший, до этого ему далеко и по возрасту, и по опыту, но он пользуется их уважением, и я знаю, что он претендует на контроль над Москвой (формально это территория Гранта, но он часто отвлекается на Лондон, и у Серхио есть возможность утвердиться здесь в его отсутствие). Конечно, Серхио хотелось разобраться с неприятностями в нашем городе самому. И ему нужно было время – очевидно, расспрашивать Леву о том, что с ним случилось, сидя над свежим трупом, было нелепо.

Итак, нам нужно было перенести труп на стройплощадку и увести Леву в безопасное место – ко мне домой, как мы и собирались с самого начала. Но принять эти здравые решения – одно, а осуществить – совсем другое. Последующий час дался нам дорого. Если бы вампиры могли покрываться от ужаса или волнения холодным потом, мы с Серхио, вероятно, облились бы им, как водой в душе. Сидеть в под-

вале и ждать, пока уйдут последние гости с приема и театр опустеет, было невозможно – в любую минуту нас могли обнаружить. Значит, нужно было найти способ вынести мертвое тело из здания и незаметно перенести его в сумерках за строительный забор. Эту увлекательную задачу взял на себя Серхио. Выполнил он ее с присущим ему хладнокровием: сначала пробежался, не скрывая нашей естественной скорости, по всем коридорам. Обнаружил выход – выезд из гаража. Взломал замок на нем (нам повезло – каким-то чудом охранника у этого выхода не оказалось, возможно, он просто отлучился – ушел курить, например). Вернулся за трупом и, бесцеремонно толкнув ногой несчастного Леву, чтобы он отодвинулся в сторону, подхватил тело под мышки.

Зрелище мужчины в смокинге, волочащего по подвалу окровавленный труп, кого угодно может вывести из равновесия – настолько это абсурдно. Но надо отдать должное моему другу – он умудрился и в этом положении сохранить известную элегантность. А когда он поднял тело на руки и обернулся к нам, прежде чем устремиться в полутемный коридор (молясь, чтобы он все еще был пуст), я поймала себя на том, что люблюсь им – и одновременно он меня несколько пугает. Серхио намного старше меня, и в его жизни были вещи, о которых я ничего не знаю – не решалась спрашивать, а он сам никогда ничего не расскажет. Я знаю, что до встречи со мной он вел довольно... жестокий образ жизни. И глядя на него в тот момент – ироничного, сосредоточенного, собранного

и держащего на руках бездыханную девушку, я подумала: кто знает, сколько раз он уже носил так тела – скольким девушкам стоила жизни встреча в полумраке с этим грациозным существом?

На самом деле времени на размышления у нас с Владом было не много. Когда Серхио унесся со своей ношей в глубину коридора, мы занялисьлевой – и следами его преступления. На полу было порядочно крови – ее пришлось замыть, благо туалет был совсем рядом с местом происшествия. Поднос и разбитые бокалы я собрала в пластиковый пакет для мусора – его мы извлекли из урны в том же туалете. Тут у меня возникла проблема: я могла бы быстро сбежать и выбросить мешок за пределами театра, но не хотела – естественно! – оставлять Влада наедине с Тихомировым. Я уже видела, на что способен этот новичок, как плохо он себя контролирует. Влад, конечно, понял мою дилемму, и несколько секунд мы ожесточенно препирались. Влад, как обычно, считал, что я перестраховываюсь. «Он ведь уже поел!» – с этим аргументом было трудно спорить, но я все равно не хотела рисковать. Положение спас Серхио: он вернулся, с одного взгляда на нас оценил подоплеку мизансцены, закатил глаза, фыркнул, взял у меня пакет и снова исчез. Нам оставалось только умыть нашего подопечного и, постаравшись придать себе скупающий и равнодушный вид, выйти через зал, в котором все еще толпились люди, на улицу. Сквозь толпу мы с Владом вели Тихомирова, как под конвоем – он в середине,

мы по сторонам... Я держала его за локоть – ненавязчиво, но крепко. Влад улыбался и кивал людям, раздавая направо и налево дежурные «до свидания».

От Алекса Пападакиса, который, видимо, поджидал меня и Тихомирова, чтобы поговорить о постановке, нам пришлось спасаться едва ли не бегством. Ужасно надоедливый тип и, что особенно противно, почему-то уверенный в своей мужской привлекательности... Только его страстных взглядов мне и не хватало для полноты счастья!

Наконец мы оказались на улице. Серхио ждал нас у входа, невозмутимо раскуривая сигарету.

Мы отошли от театра на безопасное расстояние, и я позвонила полковнику прокуратуры Соколову, нашему брату, которого Грант в свое время – лет, кажется, пятьдесят назад – обратил специально, чтобы у нас был надежный контакт в московской милиции. С тех пор он перемещается с поста на пост, изредка «погибая», чтобы не светиться на одном месте слишком долго, а потом, слегка изменив внешность, снова дослуживается до высоких чинов. Соколова не обрадовал ни мой звонок, ни мой рассказ, тем более скомканный, что мы сами еще толком ничего не успели выяснить. Но он, естественно, пообещал сделать все, что может – сохранение тайны нашего рода для него так же важно, как и для всех нас.

А потом мы наконец добрались до моей квартиры. Серхио, задумчивый и сосредоточенный. Я, взбудораженная и раздерганная. Влад, ошарашенный всем произошедшим.

И Лева, дрожащий от ужаса, потрясенный и растерянный.

На его месте кто угодно трясся бы от страха. Само превращение – уже тяжкое испытание: невозможно вкратце описать, как много оно меняет, какой шквал чувств наваливается на молодого вампира и как болезненно непривычное богатство ощущений, обилие цветов и запахов, избыток сил, обостренность восприятия, которые должны бы казаться признаками новой жизни, смешивается с полной опустошенностью – с ощущением потери себя. Ты должен бы радоваться обновлению – но на самом деле ты четко осознаешь, что жизнь кончена. Тебя, прежнего, уже нет. Ты умер, и все, что будет дальше, будет уже не с тобой – не с тем человеком, которым ты был еще вчера. На то, чтобы вновь обрести себя, поверить, что твоя личность не изменилась, что в измененном теле функционирует тот же мозг, та же... душа, что и раньше – на это у многих вампиров уходят годы. И это самые тяжкие годы нашей вечной жизни – время, когда нет никакого ориентира, ни внешнего, ни внутреннего. Время, когда в жизни нет смысла. В обычной-то жизни не видеть смысла тяжело. Не видеть его в вечной жизни может быть просто невыносимо... И именно с этим сейчас приходится разбираться Лева – и я могу себе представить, как ему тяжело: у него, по-моему, и в человеческой ипостаси были некоторые проблемы с самоопределением, он всегда был довольно дерганым и каким-то, несмотря на весь свой богемный лоск, внутренне печальным.

А к этой потере себя нужно еще прибавить жажду крови – странную, непривычную и на первых порах пугающую.

А к жажде крови и дезориентации надо еще прибавить переплет, в котором Лева оказался, – убийство, которого он явно не хотел и которое его потрясло, и теперь путешествие в неизвестность в компании старых знакомых, которые оказались вампирами и которые непонятно что собираются с ним делать.

Дома я постаралась взять себя в руки. Как-никак, у меня были гости, хотя и странные. Я всех рассадилла. Я налила всем выпить: нам – крови, Владу – вина. Постаралась создать приятную обстановку, чтобы все чуть-чуть успокоились и расспросы Серхио увенчались успехом.

И вот тут выяснилось наконец самое странное.

Лева понятия не имеет, кто его обратил.

Он был на какой-то вечеринке – начали в «Детях ночи», потом поехали к кому-то на квартиру, он не помнит, потому что был очень пьян. Он столько всего пил, что не знает – среди десятка непонятных коктейлей вполне могла быть чья-то кровь. Он с кем-то целовался – с разными людьми, там были и мужчины, и женщины, Лева никогда не отказывал ни тем, ни другим. Возможно, кто-то из них мог прокусить ему губу... Он ничего не помнит наверняка – все эти допущения он выдал из себя под градом настойчивых расспросов Серхио, которому пришлось напрячь всю свою шпионскую логику, чтобы восстановить вероятную картину со-

бытий по отрывочным признаниям Левы... Наверняка Лева помнит только, что отключился, потому что почувствовал себя очень, очень больным. Это понятно и логично – обращение может происходить по-разному, но в целом похоже на тяжелый грипп.

Очнулся Лева у себя в квартире, один. Он не знает, сколько прошло времени. Не знает, как попал домой. Он знает только, что пришел в себя измененным, зная, что с ним случилось что-то непоправимое, но понятия не имея, что именно.

На тумбочке возле кровати его ждал пакет с донорской кровью и записка: «Не выходи на открытое солнце. Все остальное – миф». Он понятия не имеет, кто оставил ему записку – почерк был незнакомый.

Он выпил кровь, потому что сопротивляться жажде было невозможно. Думал, что его стошнит, но вместо этого почувствовал огромную радость – словно жизнь вернулась к нему. Жизнь, про которую он еще даже не успел понять, что она окончена.

С недопитым пакетом крови в руках Лева случайно бросил на себя взгляд в зеркало – и увидел красные глаза и клыки. И снова потерял сознание – на этот раз просто от страха.

Когда он в следующий раз пришел в себя, была уже ночь. Лева решился выйти на улицу, потому что был очень голоден. Он поймал на помойке бродячую собаку. Он никогда в жизни не чувствовал себя так странно и так мерзко,

но кровь оказалась вкусная.

Потом он забился обратно в квартиру и сидел там, дрожа от страха и не понимая, что с ним происходит.

Так он провел несколько дней. Он никого не убивал – только животных. Он решил, что у него хватит сил выйти к людям – попробовать хоть что-то из своей разрушенной жизни собрать воедино.

Едва дотронувшись до руки Серхио, он понял: они одинаковые. Существа одной физической природы.

Я знаю, о чем он: мы в самом деле определяем «своих» по одному прикосновению.

Дальнейшее мы знали: он прошел в зал, и там самообладание покинуло его. Он даже не заметил, как убил девушку – все произошло будто само собой.

В этом месте Серхио, который вертелся на диване со все возрастающим раздражением, куря сигареты одну за другой, хмыкнул и сказал:

– Кстати, твое первое убийство о многом говорит. Например о том, что ты в глубине души никогда не был настоящим геем. Мы не можем устоять только перед тем, чего действительно хотим. Был бы ты геем – убил бы какого-нибудь парня.

Влад, слушавший их беседу сидя в кресле у окна, в этот момент бросил на Серхио взгляд из тех, что теоретически могли бы убивать. Я хорошо его понимаю – иногда мой старый друг переходит все границы в своем цинизме.

Лева посмотрел на Серхио глазами влажными и печальными, как будто хотел намекнуть, что сексуальная ориентация теперь – самая малая из его проблем.

А потом спросил едва слышно:

– Что со мной теперь будет? Вы убьете меня?

Я поспешила вмешаться, перед тем как Серхио успел сказать еще что-нибудь ободряющее и тактичное:

– Конечно, нет. За что? Если ты не заметил, мы много усилий потратили, чтобы скрыть твое преступление.

Серхио добавил с досадой:

– Кроме того, кретин, тебя нельзя теперь убить.

Мне показалось, или он сделал странную паузу – словно заминку – в этой фразе?

Мне показалось, или Влад настороженно поднял голову, услышав эту фразу?

Наверное, показалось.

Я знаю, что Серхио лжет – убить одного из нас можно, мы с ним убивали себе подобных... Одного из нас. И я знаю, что Владу это тоже известно. Но я также знаю, что Серхио не мог всерьез об этом думать, – и знаю, что Влад понятия не имеет, в чем способ заключается. Но с чего бы моему возлюбленному интересоваться этим? Его не должны касаться все эти ужасы...

Серхио меж тем сделал над собой усилие и подавил раздражение. Он с минуту оценивающе смотрел на Леву, который уныло созерцал мой пушистый светло-серый ковер,

и произнес раздумчиво:

– Что с тобой теперь будет – вопрос... Мне совершенно не нравится история с твоим обращением – в ней есть что-то некрасивое, непорядочное и... злонамеренное. По-хорошему, тебя надо отправить к Старшим – да, у нашего народа тоже есть некоторое начальство, – чтобы они решили твою судьбу. Но мне не хочется этого делать. Они ребята равнодушные и не смогут тебе помочь. А тебе нужна помощь, потому что тебя, как мне кажется, подставили. Ты мне всегда был симпатичен. Ты нужен нам для работы – эту дурацкую затею с балетом никто не отменял... К черту Старших – я сам о тебе позабочусь. Тебе нужен учитель, если уж твой создатель бросил тебя на произвол судьбы. Я тебя обучу, а там разберемся, что дальше делать.

Я знаю, что вампиры могут плакать – сама научилась этому, когда едва не потеряла Влада. Но Лева еще не знает этого. Если бы знал – думаю, заплакал бы, настолько его проняла неожиданная доброта Серхио. Меня она тоже глубоко тронула – я забываю иногда, на какие широкие жесты способен мой друг. Все-таки испанский гранд – не пустое понятие. Интересно, случалось ли ему сражаться с ветряными мельницами?

Страх отпустил Тихомирова, он явно расслабился, и сразу стало очевидно, насколько он устал – он буквально еле сидел. Я отправила его спать в гостевую комнату.

Когда он стоял на пороге, Серхио неожиданно окликнул

его и сказал, указывая глазами на Влада, – сказал так тихо, что смертные уши не могли бы разобрать слов:

– Урок номер один. Ты видишь с нами Влада. Он смертный, но он знает нашу тайну и принят в наш круг. Он – свой, и мы защищаем его. Если ты его тронешь, она, – Серхио кивнул в мою сторону, – оторвет тебе голову, а я – остальные конечности. Ясно? Держи себя в руках. Еще раз сорвешься – лишишься моей защиты.

Лева склонил голову и поплелся в отведенную ему комнату.

А мы – все трое, два вампира и смертный, – не стовариваясь, извлекли из бара бутылку рома и отправились на террасу.

Где и сидим теперь, в предрассветной мгле, пьяные, усталые и растерянные.

Серхио жестом показывает мне, что хотел бы получить обратно бутылку. Влад, который сидит у его ног на полу, приклонясь спиной к парапету террасы и утомленно откинув голову, перехватывает бутылку, делает глоток, и лишь потом передает ее Серхио.

Испанец шутливо толкает его в плечо:

– Совсем обнаглел, смертный!..

Влад скидывает на него глаза:

– Молчи уж... нянька вампирская.

Я вздыхаю:

– Мальчишки, не ссорьтесь. И без вас тошно.

Серхио ловит мой взгляд – глаза его серьезные, но спокойные:

– Не переживай и не волнуйся. Что, в сущности, произошло? Какой-то кретин пошалил в нашем городе. Пока что нет причин для беспокойства – нет оснований думать, что за этим кроется что-то важное.

Я молча качаю головой. Понимаю, что он хочет меня успокоить, но получается у него не очень. Потому что мы оба знаем, как болезненно я отношусь к обращениям и как тревожно на самом деле произошедшее. Если в Москве объявился какой-то отморозок, который шутки ради обращает людей, а потом бросает на произвол судьбы, – это плохо. Это очень опасно – для нашей тайны, для безопасности семьи... И для безопасности Влада, о которой я, конечно, думаю в первую очередь. Серхио это знает, и Влад тоже, и именно поэтому оба они теперь хотели бы меня отвлечь от панических мыслей. Что если неизвестный создатель не остановится? Что если следующим ему попадется Влад?

Что если все это не случайно?

Лева Тихомиров – не чужой нам. Он был нам близок и до обращения. Как я могу не думать о том, что нам угрожают – или пытаются послать некое сообщение о намерениях?

Лицемерно-бодрые взгляды возлюбленного и старого друга мне не особенно помогают. Ром – куда лучшее успокоительное.

Слава богу, что завтра – ну уже сегодня вообще-то – суб-

бота! Не надо идти на работу. Можно будет весь день провести, отдыхая и пытаясь собраться с мыслями.

Серхио устало проводит рукой по лицу, протирает глаза:

– Надо бы, наверное, все-таки поспать. Столько дел впереди...

Мы допиваем бутылку и возвращаемся в комнату. Не раздеваясь, я падаю на кровать. Влад, с утомленным вздохом, ложится рядом со мной.

Серхио, широко улыбаясь, жестом показывает, чтобы мы подвинулись – он собирается устроиться с нами, по другую сторону от меня.

Влад приподнимается на локте и говорит, с пьяной бравадой изогнув бровь:

– И куда это ты, Серега, намылился? Это взрослая кровать. У тебя подопечный есть – тебе надо к нему. Вдруг он опять чего-нибудь учудит?

На долю секунды Серхио замирает, глядя на Влада со смесью недоумения и недоверия, а потом тихонько смеется:

– Да, наш юный друг определенно обнаглел. И совсем, совсем освоился в нашем мире. Верно, Марина?

Он совершенно невыносим.

Я бросаю в него подушку.

Он, конечно, легко ловит ее и удаляется в направлении гостевой спальни. Возможно, он и в самом деле решил последовать шутливому совету Влада и присмотреть залевой.

Мы с Владом остаемся одни в комнате – лежим одетые

вдвоем на нашей кровати.

Мне ужасно страшно.

Рука Влада – теплая, живая, любимая рука – находит в сумраке мои пальцы, и нежно сжимает их. Он хочет подбодрить меня, успокоить. Сказать, что он рядом.

Нет слов, чтобы передать, как это важно, как нелепо и одновременно трогательно – то, что он, смертный и уязвимый, все время пытается позаботиться обо мне – защитить меня. Как я восхищаюсь им за это, и как я ему благодарна.

Вот так, держа его за руку, чувствуя тепло его ладони, я могу спокойно заснуть.

5

Самая сложная задача, которая передо мной стоит: как-то собрать мозги в кучу.

Звучит просто, но сделать практически невозможно. Всем нам знакомо чувство, когда ты пьяный, в клубе, отчетливо понимаешь, что еще глоток – и будет катастрофа, в голове туман, лица окружающих плывут и превращаются в хари, и ты вот-вот начнешь видеть динозавров на ковре, как лысый Депп в «Страхе и ненависти в Лас-Вегасе», и в этот момент ты пытаешься встряхнуться и как-то привести мысли в порядок, чтобы хоть таксисту свой адрес без ошибок назвать. В этой ситуации, со всех сторон противной, есть один несомненный плюс: ты знаешь, даже в момент острого кризиса, обнимая унитаз, что утром все закончится. Ну не совсем, будет еще сушняк и другие прелести похмелья, но в целом – закончится: ощущение утери контроля над своей жизнью, которое ты испытывал в шуме дискотеки среди мерцания разноцветных огней, пройдет. Это был всего один вечер, он прошел, и теперь ты снова сам себе хозяин.

То, что происходит с моей жизнью сейчас, очень похоже на такой вот пьяный вечер, и я регулярно встряхиваю головой и принимаю всякие разумные решения насчет того, что надо бы все исправить. Только все гораздо хуже и сложнее, и оно не заканчивается. Потому что вовлеченность в мир

вампи́ров – это вам не лиш́ний коктейль. Это многоплановая проблема, затрагивающая, как говорят официальные люди по телевизору, «разные пласты нашего общества». В смысле они, конечно, не о вампирах говорят, но понятно же, о чем я.

Я – мы с Мариной – живем двойной жизнью. В нашей нормальной, официальной жизни между прочим и так есть масса нормальных, официальных занятий и проблем. Надо делать журнал – мы так погрузились в свои личные дела, что чуточку об этом забыли. А меж тем имеются съемки, которые надо планировать, рекламодатели, которых надо ублажать, макеты, которые надо верстать (практически одному: мои дизайнеры, Паша и Маша, все-таки завели роман, и теперь Паша разводится, и оба они в истерике и работают не очень старательно). Фотографии, которые никогда не приходят вовремя, бюджет, за который мы вываливаемся (конечно, Грант смотрит на это сквозь пальцы, по-семейному, но все равно неприятно, потому что непрофессионально, а я не люблю чувствовать, что «не дотянул»). Типография, в которую нужно успеть сдать, и еще тысяча приятных мелочей. Нормальным людям всего этого, вообще говоря, и так хватает для того, чтобы голова пухла. Мы же добавили к обычной нагрузке еще и постороннюю деятельность с треклятым балетом – да, собственно в постановке мы не очень задействованы, но зато журнал из-за поддержки этой затеи чуток перекосило: мы лихорадочно ищем журнальное место и эффектные темы для нашей «балетной» модной съемки

на сцене и за кулисами, Стас Чепраков торопливо отшивает нужные модели и, конечно же, советуется с нами по всякому поводу, а это значит – дополнительные встречи и время, время, время...

И это все – только «парадная», открытая, так сказать, миру сторона нашей жизни. Но есть еще вампирская составляющая. Которая означает, что конец рабочего дня – это не конец проблем. О том, чтобы расслабиться дома и, например, банально выспаться, и речи нет. Выспаться в одной квартире с вампиром в принципе проблематично. Нет, естественно, Марина никогда в жизни не станет меня лишать нужного мне, человеку, количества сна. Наоборот, она всячески настроена на то, чтобы оберегать мой покой. Но мне самому стремно спать, когда она рядом – не хочется тратить на сон время, которое я могу проводить с ней. И даже когда я все-таки вырубаясь, то сплю тревожно – во-первых, все время чувствую движение и прочие признаки ее самостоятельной жизни, сквозь сон слышу, как она ходит по квартире, делает там чего-то свое, сидит за компьютером, выходит на террасу, чтобы вести там приглушенные телефонные разговоры, – в общем, суетится. Во-вторых, спится мне плохо потому, что я пока не совсем освоился на новом месте – квартира Марины, которую я, казалось бы, успел за год нашего романа изучить во всех подробностях, мне по-настоящему ДОМОМ не кажется, мне все еще не уютно. Отчасти, может быть, потому, что я не очень знаю, куда она подевала мои вещи. Я

был уверен, что их некуда будет пристроить. Я ошибался – Марина их так отлично пристроила, что их и не видать. Как там было сказано в старом анекдоте: «Раньше мои вещи были разбросаны по своим местам по всей квартире. Теперь у меня появилась девушка, и они аккуратно уложены неизвестно где». Что-то в этом роде.

То, что я приобрел идиотскую привычку иллюстрировать свои мысли старыми анекдотами, – тоже симптом, между прочим. Симптом того, что в моей жизни многовато вампиров. Если бы речь шла только о Марине, я бы не пикнул – я бы с радостью вообще перестал спать, потому что мне вообще в жизни ничего, кроме нее, по-настоящему не нужно. Но фигли – если бы мое время делилось между Мариной и работой, это было бы слишком хорошо. Мне в нагрузку выданы ее родственники, особенно любезный Серхио со своими анекдотами, и я от него ими явно заразился. Он появляется на Покровке едва ли не через день, часто со своим подопечным Левой, который, кстати, прогрессирует не по дням, а по часам. Серхио доволен учеником – Тихомиров быстро привыкает к новой жизни, обретает уверенность и уже неплохо владеет собой: за месяц вообще ни на кого не напал, даже не пытался. Ну по крайней мере они так говорят, и у меня нет причин думать, что об этом Серхио стал бы Марине врать: тут они заинтересованы в максимальной откровенности. Но так или иначе – они заявляются часто и сидят, шушукаясь, подолгу, и я не могу их упрекнуть. У них

есть основания для постоянных «военных советов», ибо дела на вампирском фронте как-то не слишком хороши. У «семьи» есть проблемы.

Деликатный вопрос по поводу оповещения Старших о новом и таинственном обращении решился относительно легко. Марина и Серхио отчитались перед Грантом Хэмилтоном – древний шотландец не только владеет нашим издательством, но и является по совместительству главой вампирского начальства по Москве. Меня, кстати, умиляет их дивное бюрократическое устройство, с этим «советом старейшин» и «главами управ». Интересно, президент у них есть какой-нибудь, чтобы их назначать, или они выборы устраивают? Грант был не в восторге от того, что ему рассказали. В смысле, идея Серхио взять Леву Тихомирова под свое крыло прошла на ура – по-моему, Грант даже рад был, что тот проявил инициативу и избавил его от решения проблемы. Но – и это главная сложность, над которой они ломают свои бессмертные головы, – вся ситуация с безответственным обращением Хэмилтону категорически не понравилась. Даже мне, стороннему наблюдателю, понятно почему. Создать вампира – это вам не младенца подбросить, масштабы проблемы несколько другие. Если это чья-то шалость, то глупая и опасная. А если часть какого-то нехорошего плана?.. Еще хуже – потому что к необходимости выявить злоумышленника прибавляется тревога: нужно ж сообразить, кто этот план затеял и в чем он вообще заключается.

Не то чтобы мои вампиры мне все свои соображения вот так взяли и рассказали – они, конечно, скрытничают, как обычно. Как всегда назидательно говорит мне Марина: «То, чего ты не знаешь, не может причинить тебе боль». Меньше знаешь – лучше спишь, иными словами. Но я не согласен. Мы это уже проходили на заре наших отношений – и словили в результате разных проблем, вызванных недоговоренностями и взаимным непониманием. Напоминать об этом Марине бесполезно – она со мной, конечно, формально согласна, но очень ловко все мысленно устроила, и теперь считает, что правило про взаимную откровенность относится только к нашим с ней личным отношениям, а не к вампирской жизни в целом. Очень удобно, потому что мы с ней, в общем, обо всем договорились, у нас все хорошо, и особенно откровенничать причин нет. А насчет прочих обстоятельств она может загадочно молчать и держать меня в тумане – ради моей же пользы. Но я теперь тоже умный и действую по принципу «знание – сила». Мне, кстати, всегда казалось, что это не совсем правильный перевод. Там по-английски сказано: «Knowledge is power», то есть на самом деле речь идет о власти, а не о силе. А если учесть, что Фрэнсис Бэкон был не только ученым, но и серьезным политиком, то, по-моему, он имел в виду, что знание дает власть, из серии «предупрежден – значит, вооружен».

Короче, я теперь решил жить по-новому. Я слишком много времени потратил на инфантильную тоску и обиды на то,

что «они мне ничего не рассказывают». В этом было что-то детское – ну как ребенок на взрослых обижается за то, что с ним не говорят серьезно. Неправильная позиция: я им не ребенок, и это в принципе нездоровая ситуация, когда про любимую женщину думаешь как про скрытную маму. Я не ребенок, и они не такие взрослые – у них тоже случаются и проколы, и растерянность. Да, задавать им вопросы бесполезно – и обижаться, когда они не отвечают, тоже. Значит, надо действовать с умом. Надо просто внимательно смотреть и слушать и складывать два и два. Полезные выводы не заставят себя ждать.

И я не буду думать о том, что это решение тоже довольно детское – из серии «а не спрятаться ли мне в родительской спальне, чтобы узнать наконец, почему от меня дверь на ночь запирают». Мной же не простое любопытство движет, а искреннее желание помочь. Я уверен, что чем-то помочь могу, какой бы я ни был смертный и слабый.

Ничего я не могу поделать с тем, что они – все они, теперь даже новенький Лева в своих нелепых черных майках в обтяжку, с балетным сленгом и мальчишеским шармом, который на глазах превращается в вампирскую харизму, делая этого богемного гуляку положительно неотразимым... (Надо видеть, как к нему липнут в «Детях ночи» желающие обоих полов и как он их с сожалением стряхивает, – потому что Серхио ему пока не давал добро расслабляться.) В общем, все они, мои вампиры, мне дороги – они мне все буд-

то родные. И, может, потому что я искренне к ним привязан и привык, я как-то избавился от мысли об их безусловном превосходстве. Да, они быстрые, красивые, и бессмертные. Но все это само по себе не делает их ни какими-то особенно сильными – внутренне, – ни умными, ни априорно правыми. На их стороне годы опыта и знание жизни, но это знание ограничено свойствами их природы: натура их эгоистична, они прежде всего думают о себе и редко ставят себя на место другого (неважно, человека или вампира), чтобы его понять. А это значит, что их опыт не всегда применим к жизни. Они могут ошибаться, и ошибаются – знание прошлого автоматически в дар предвидения не превращается. Им кажется, что они все знают наперед. Но это такая иллюзия, такой наивный, в сущности, самообман. Они такие слабые в своей силе.

И мне кажется, очень часто, что я для того и попал к ним, чтобы... помочь. У них, по-моему, редко так бывает, чтобы кто-то был с ними рядом, сочувствовал им, знал о них много всего, но не становился одним из них и не приобретал всего букета связанных с этим проблем. И я не могу отделаться от ощущения, что их мир – мой мир. Сколько бы я ни напоминал себе, что я с ними не навсегда, что в конце концов я постарею и помру, а они останутся, что я никогда не буду настоящей ЧАСТЬЮ этого мира... Все равно. Я все равно «мысленно с ними». Я ведь люблю одну из них. Она – смысл моего существования, и хотя бы поэтому все, что касается

ее, становится частью меня. Если я буду сам себя воспринимать как временное явление в ее мире – как мне тогда с умом не сойти?

Мне гораздо проще существовать, веря, что я могу принести им какую-то пользу.

Им я, конечно, ничего этого не говорю – Серхио сочтет, что у меня мания величия, и будет изошренно издеваться, Марина запаникует, решив, что я опять размечтался об обращении. Нет мне нужды тревожить «взрослых» моими размышлениями и выводами. Я их, эти выводы, делаю для себя. И живу соответственно – слушаю, смотрю и смекаю.

Именно так, слушая обрывки фраз и перехватывая взгляды я понял, что ситуация приобретает по-настоящему тревожащий их характер. После обращения Тихомирова наш испанский гранд Серхио стал держать ухо остро и следить за всеми ненормальными событиями в городе: их мир, каким бы тайным они ни старались его сохранять, все время, конечно, выплескивается в мир людей какими-то спорадическими, но красноречивыми вещами из области криминальных сводок. Нестандартное, необытовое, хотя бы чуточку необъяснимое убийство для вампиров уже признак того, что надо «разобраться».

В общем, Серхио стал присматриваться и усмотрел много тревожного. Судя по всему, количество тел, не вписывающихся в «нормальную» статистику, перевалило за какую-то невидимую грань, и испанец отправился разбираться. По-

нял я это потому, что он в какой-то из вечеров оставил Лёву на наше с Мариной попечение – мы волшебным образом провели время, кстати, бухая и слушая саркастические комментарии нашего новенького по поводу состояния дел в области современного танца. Язва он, надо сказать, поразительная, несмотря на свой выразительный взгляд, в котором плещется «вся скорбь балетного народа». Вечер был приятный, но ясно: если Серхио оставил подопечного с нами, значит, у него есть важные дела. И на следующий день, прочитав в интернете новости о том, что сгорел заброшенный склад на окраине города, я сделал смелый вывод. Думаю, Серхио нашел еще одного новообращенного, о котором не захотел так пристально, как о Лёве, заботиться, – и «решил проблему». Это они с Мариной думают, что я не знаю, как они друг друга убивают, если все-таки решаются на это. Но я знаю – понял по некоторым Марининым оговоркам, – что они все-таки горят в огне. И я уверен, что этот пожар, по официальным данным обошедшийся без жертв, на самом деле испепелил чье-то тело, которое без столь радикальных мер непременно возродилось бы.

Вот так я складываю два и два. Не могу сказать, что это доставляет мне какое-то особенное удовольствие, но все же. Скажем так – это доставляет мне УДОВЛЕТВОРЕНИЕ. Приятно сознавать, что ты не вовсе идиот и способен на какое-то самостоятельное мышление. Что ты не вовсе наивен и бесполезен. Что ты не маленький ребенок, короче.

В общем ясно, что собирание мозгов в кучу – задача актуальная, но решается не с места в карьер. Очень много противоречивых обстоятельств. Слишком много сложностей.

Слишком много вампиров.

Кстати, это и правда так – я уже и забыл, когда в последний раз проводил время с людьми. Ну исключая семейные дни рождения, но это все-таки бывает не каждую неделю и даже не каждый месяц – семья у меня большая, но не настолько, чтобы дни рождения обеспечивали подлинно регулярные встречи.

Кстати о днях рождения – мне есть о чем с Серхио посоветоваться. Есть у меня одно... наблюдение, которым мне нужно с ним поделиться.

Мы сидим в том баре на «Красном Октябре», что за прошедшее лето завоевал сердца всех примодненных москвичей. И было чем понравиться: интеллектуальная атмосфера (как-никак, не просто питейное заведение, а часть «института дизайна», основанного одним из наших олигархов видимо для очистки совести – как раньше в России купцы церкви строили для замаливания грехов, так теперь олигархи культурные институты финансируют), дивная терраса с видом на реку, щадящий порядок цен, все время что-то интересное во дворе происходит – то кино показывают, то концерт устраивают, и оформлено все с приятной непринужденностью в стиле 1960-х годов, эдакий «Лондон на Москве-реке». Сидим необычной компанией: Марины нет, она пошла

на охоту, за мной присматривает Серхио, а мы с ним оба присматриваем залевой.

Сидим мы уже давно и успели чуток исчерпать темы для бесед. В принципе, Марина собиралась потом к нам присоединиться, так что есть надежда, что наш мальчишник скоро перестанет быть таковым. Но передо мной стоит задача: пока Марина не вернулась, и несмотря на обилие красного, выкроить момент, когда с Серхио можно будет переговорить... хотел сказать «по-человечески», но этот вариант в принципе не рассматривается. Короче, поговорить по-нормальному. Момент предоставляется, когда Лева уходит плеснуть себе воды в лицо – даже вампирам бывает иногда нужно слегка освежиться, особенно если они пьянствуют так сосредоточенно, как мы сегодня. Лева заслуживает уже такого доверия со стороны своего учителя, что тот его отпускает одного в туалет – а в этом заведении туалет, кстати, далеко от общего зала, по дороге туда много всего может случиться, так что доверие проявлено серьезное. Мы с Серхио остаемся за столом одни. Оба курим, оба задумчиво смотрим в окно на темную реку, в которой отражается огромный и бесформенный, как монстр из ночного кошмара, храм Христа Спасителя и много красивых огоньков. По реке проходит парходик – странно, что они еще плавают, вроде бы уже навигация закрыта. Но с другой стороны, столько сейчас народу, который может себе заказать парходик – они теперь даже зимой плавают с мини-ледоколами, что какой-то там сезон

или время навигации больше уже не актуальны. Любой каприз за ваши деньги, как сказал мне однажды один телеведущий на вечеринке. Кстати, и правда довольно продажный.

Мне трудно найти слова, чтобы начать, – то, что я собираюсь сказать, сразу даст хитромудрому вампиру понять, что я много лишнего думаю и знаю об их делах. Но тем не менее начать надо – меня серьезно тревожит то, что я ненароком обнаружил.

– Мм... Серхио. Я хотел тебя спросить.

Он едва заметно – на пол-градуса – поворачивает голову в мою сторону, не отводя взгляда от вида за окном. Видимо, это должно означать, что он слушает. Я продолжаю:

– Вернее, рассказать. Я так понимаю, что нас всех сейчас несколько беспокоит то, что в городе стало многовато... вашего брата.

Звучит это крайне невнятно, и может означать все что угодно – например, обилие экспатов или гомосексуалистов. Но Серхио, конечно, понимает, о чем я. Он поднимает бровь – это значит «хм, интересно, откуда ты знаешь?». Потом, после краткой паузы, чуточку склоняет голову – в смысле «ты прав, говори». Милостиво разрешил, однако. Честное слово, я хотел бы знать, как он выжил в XVI веке. Как его на дуэль никто не вызвал за наглость его невозможную?

Сделав скидку на слабости человеческой и нечеловеческой природы, говорю мирно:

– И я подумал: тебе, наверное, интересно узнать, что я тут

тоже одну вещь заметил.

Он оборачивается наконец ко мне и смотрит в глаза.

Я объясняю – снова начав издалека:

– Не знаю, в курсе ли ты, но у Марины скоро день рождения. Ее настоящий, человеческий день рождения, я имею в виду – она мне как-то нехотя сообщила дату. И я собирался сделать ей подарок. Ей не так легко подобрать подарок – хочется чего-нибудь необыкновенного, ей под стать... – Серхио нетерпеливо вздыхает, его раздражает мой дальний заход. Ну и фиг с ним – пусть потерпит. Как он любит говорить, у него впереди целая вечность, может и подождать, пока смертный оформляет мысль в слова. – Короче, я когда-то купил ей в одном маленьком антикварном в районе Трубной площади подвеску с гранатом, и она ей вроде понравилась. Я решил туда зайти опять, может, найти что-то похожее. Я думал сначала о серьгах, но это не для нее – она не может ведь проколоть уши, они сразу зарастают. Побочный эффект вашего неуязвимого... здоровья. Кольцо бы подошло, но это может быть воспринято как что-то типа помолвки, а я не настолько уверен в себе. – Серхио начинает хмуриться и, кажется, скрипит зубами. Я внутренне ухмыляюсь – как приятно его дразнить, оказывается! – В общем, я рассчитывал что-то найти – может, браслет. И пошел опять в эту лавку. Там такой приятный мужчина работает – не знаю, продавец или хозяин, но я его запомнил еще с прошлого раза, очень он мне помог с той подвеской. Как будто инстинктивно знал,

что мне нужно, – ну бывает так, что в магазинах реально работают профессиональные люди. Короче, я пошел туда. И... ну я не знаю. Надо иметь в виду, что, когда я там был прошлый раз, я еще ничего про Марину не знал. Про то, какая она на самом деле. Может, поэтому не обратил внимания...

Серхио смотрит на меня так, что мне реально становится страшно: его глаза совершенно неподвижны, и они потемнели до черноты. Только зря он сердится – на этот раз я не дразнюсь, мне действительно трудно подобрать слова, чтобы описать то, что мне показалось. Я думал, что хорошо помню того продавца – приятный парень, совсем еще молодой, особенно для торговца антиквариатом, они почему-то всегда представляются гнусными старичками или бородатыми энтузиастами с крошками на свитере – ну такими, знаете: «Взгляните только на эти резные подлокотники!» Этому было точно не больше тридцати, и бороды у него не было, и крошек на свитере тоже. Наоборот, он был одет с какой-то педантичной элегантностью, чуточку старомодно – в светлую водолазку и темный пиджак, что в сочетании с зачесанной набок темной челкой делало его похожим на героя какого-нибудь фильма 1970-х годов. Я арт-директор журнала о мужской моде, мне положено замечать такие вещи. Он был очень серьезен, говорил негромко, и он реально помог мне с подарком – поэтому я и запомнил его так хорошо. Ну и еще потому, что вся эта сценка в его магазине была какой-то... странной, будто тоже случилась в кино: пасмурная влажная

Москва, снег и серость, и вежливый человек с грустным голосом и бледной физиономией – он словно всю жизнь просидел в сумраке своей лавки, не видя солнечного света, и был тоже какой-то серый, как небо в тот день.

Под испепеляющим взглядом Серхио я собираюсь с мыслями и быстро заканчиваю:

– Короче, я ничего тогда не знал о вашей семье. И не умел вас узнавать. Поэтому я не знаю – может, он и раньше был таким. Но что он ТЕПЕРЬ такой, я знаю точно. Он из ваших. Я ни с чем не спутаю ни эту температуру рук, ни этот оттенок глаз – ну ты знаешь, вишнево-красный. И еще эту вашу способность... зависать чуток во время самых обычных разговоров. Словно вы на все смотрите со стороны или свысока.

Между нами повисает неловкая пауза. В баре шумно – галдят люди, играет музыка. Грейс Джонс, «I've seen this face before». Пошлее ничего придумать нельзя – почему в барах ее всегда заводят? Может, где-то есть такой специальный список, лоховской плей-лист: «Самые банальные песни для питейных заведений. Зе бест оф».

Серхио молчит несколько невыносимо долгих секунд, а потом спрашивает:

– Купил что-нибудь?

– В смысле?

– В смысле – подобрал ли ты что-нибудь Марине на день рождения? Помог ли тебе этот тип и во второй раз?

Я киваю:

– Да. Собственно, у него нашелся гранатовый браслет. Вроде как у Куприна. – Серхио отвечает мне непонимающим взглядом, и я думаю: может быть, он и не читал Куприна. Он не обязан знать всю русскую классическую литературу только потому, что обосновался здесь на век-полтора. – Браслет, короче. Тонкий. Старый. Словно родной брат той подвески. Может, так и есть – оправа уж больно похожа.

Серхио задумчиво стучит пальцем по пачке с сигаретами – он курит Gitanes, и я очень надеюсь, что не из-за рекламного слогана про «вечную свободу».

– Он у тебя случайно не с собой?

– Чисто случайно с собой. – Я лезу в сумку и достаю откуда длинную узкую коробочку, на бархатном дне которой лежит моя покупка. Я не нарочно ее с собой таскаю – я просто только вчера ее купил и не успел выложить, отчасти потому, что не придумал, куда эту штуку до поры до времени в квартире у Марины спрятать. Она же инстинктивно вынюхивает новые незнакомые вещи, из-за чего сюрприз ей преподнести нелегко.

Серхио быстрым движением забирает у меня футляр и подносит к лицу, словно это музыкальная шкатулка с очень тихой мелодией, к которой он прислушивается. Он даже прикрывает глаза. Мне знакомо это выражение – я видел его и у Серхио, и у Марины. Он не прислушивается. Он принимает. Вампиры могут чувствовать и отличать запах себе подобных. Серхио пытается понять, держал ли эту коробоч-

ку в руках вампир.

Он открывает крышку. Красные камни на розовом бархатном фоне блестят в красном же свете барного светильника. Серхио подносит коробку еще ближе к лицу – едва ли не нос в нее сует.

И внезапно на его лице отражается шок.

Его глаза распахиваются, он вскидывает на меня взгляд, и в нем, пусть всего секунду, прежде чем он успевает взять эмоцию под контроль, читается страх.

Он, конечно, быстро берет себя в руки, но я не мог ошибиться.

Значит, я прав. Мой любезный продавец и правда вампир.

Вопрос только – был ли он вампиром раньше или стал им недавно, как наш Лева?

Лева – легок на помине – как раз в эту секунду возвращается за стол и плюхается на кожаный диванчик рядом со мной. Я бросаю на него быстрый проверочный взгляд: лицо спокойное, нервической веселости нет, глаза не краснее обычного. Значит, во время своего путешествия в глубины клуба он не сорвался и никого не покусал. Лева вытаскивает из пачки Серхио сигарету и спрашивает:

– Официант не пробежал? По-моему, надо еще вина заказать.

Я киваю, но при этом продолжаю смотреть на Серхио.

С ним происходит что-то странное.

Он все еще держит коробочку с браслетом в руках, но те-

перь к ней больше не принимается. Вместо этого он бросает на Леву короткий, растерянный взгляд – словно видит его впервые. Белки его глаз блестят в полумраке бара, словно Серхио – дикое животное и слушает тревожные звуки леса. Он только что ушами не прядает, как испугнутый олень из «Бэмби». Его лицо сейчас как никогда похоже на лица со старинных портретов – драматическими тенями, белизной глазных яблок, чернотой расширенных зрачков. Он пристально смотрит на Леву, а потом делает уже и вовсе странную вещь.

Он склоняется к руке своего подопечного – Лева, как обычно, одет в черную майку с коротким рукавом – и проводит носом вплотную к коже, впитывая запах, стараясь, видимо, разнюхать его почетче, очистив от примеси табачного дыма и винных паров.

Лева смотрит на него изумленно:

– Ты чего, Серега? – Он все никак не привыкнет называть его Серхио, он как знал его музыкальным критиком Сергеем Холодовым, так и продолжает мысленно считать таковым. – Ты чего? Решил сменить ориентацию и приударить за мной?

Серхио, которого я знаю, за подобную шуточку мог бы и голову свернуть. Ну уж точно ответить чем-то настолько обидным, что лучше бы бритовкой полоснул.

Сегодняшний странный Серхио не делает ничего подобного. Он замирает, прикрыв на мгновение глаза, и предпринимает явное усилие, чтобы успокоиться. Потом захлопыва-

ет коробочку и передает мне, отмечая с тенью своей обычной вальяжности – я всегда так раздражаюсь на его апломб, что теперь отчетливо вижу, что это лишь тень, и точно знаю, как испанец на самом деле далек от спокойствия:

– Ты прав. – Он делает паузу и встречается со мной взглядом, чтобы быть уверенным – я понимаю, о чем он. Я понимаю, и надеюсь, по моим глазам это видно. Серхио продолжает: – Ты прав, отличная вещица. Надо мне будет тоже в этот магазинчик заглянуть – люблю такие штуки. Дашь мне потом адрес?

Я киваю.

Возле нашего стола вырастает официант, и Лева, который отчаялся понять, что творится с его наставником, обрадованно заказывает еще бутылку вина. Честно говоря, я бы предпочел уже на кофе перейти, но мужская солидарность – великое дело.

Мы продолжаем сидеть в баре и пить.

Я отчаянно скучаю по Марине.

И мне первый раз за довольно долгое время вдруг становится страшно.

Я привык, конечно, издеваться над всегдашней невозмутимостью и снисходительным отношением Серхио ко всему на свете. Но я также привык и к тому, что его непоколебимая уверенность в себе... ну непоколебима. Что его ничто не может вывести из равновесия или потрясти.

Но сегодня я видел в глазах пятисотлетнего вампира шок.

Я видел в них страх.

Дураком надо быть, чтобы в такой ситуации не испугаться самому.

Что-то нехорошее происходит в нашем городе.

Я часто задумываюсь над тем, как сложилась бы моя жизнь, если бы в мире не было сверхъестественного.

Если смотреть поверхностно, то ответ чрезвычайно прост: не будь в мире магии, моя жизнь весьма быстро окончилась бы. Я умер бы в возрасте, очень раннем для нынешнего времени и относительно зрелом для моего. Умер с честью, на поле боя. Осада Арраса, так романтически воспетая господином Ростаном в «Сирано де Бержерাকে», унесла немало молодых жизней. Моя должна была быть в их числе, что было бы вполне... естественно для человека моего происхождения и положения. Пойти на войну и там погибнуть – для третьего сына в знатной, но не слишком состоятельной семье это было фактически проявлением учтивости, любезным и красивым способом избавить родных от лишних расходов на твое содержание. Другое дело что я вовсе не был склонен облегчать жизнь родичам. И со славой своего старинного имени я не слишком носился. Семья не любила меня, я отвечал тем же. Я мог бы и не пойти на ту войну, хотя бы им назло. Но я пошел...

Я отправился воевать потому, что у меня был друг: бретер, философ, повеса, хитрец, интеллектуал и гордец, непревзойденно владевший шпагой и не упускавший случая блеснуть клинком – или острым словом. Я находился под сильным влиянием своего друга, он был для меня примером во всем с той самой секунды, как мы впервые встретились: я явился в его парижский отель, чтобы взять несколько уроков фехтования. Он не был обычным платным учителем из тех, что кормились своим мастерством и потому почитались нами, дворянами, чем-то вроде слуг. Хотя источники его доходов были неизвестны, он никогда не нуждался в средствах, и брал за занятия символические суммы, а иногда и вовсе учил бесплатно, фехтуя просто ради удовольствия. Было известно, что ежедневно, кроме дня субботнего и воскресного, он принимает любого желающего – ожидает гостей в выходящей во двор оружейной галерее своего дома и обучает самым виртуозным приемам владения шпагой и саблей. Кто-нибудь приходил к нему каждый день: из любопытства, из желания помериться силами или в самом деле приобрести новые навыки. Он был разборчив и дрался далеко не со всеми. По Парижу ходила презабавная история о том, как раздраженный настойчивостью какого-то напыщенного дурака, бросившего к его ногам кошелек в попытке купить урок, который ему не хотели давать, он все-таки вступил с нахалом в схватку и гонял его по галерее до тех пор, пока тот, запыхавшийся и потный, не взмолился о по-

щаде и возможности передохнуть. И проделал мой друг все это, даже не покрасневшись, с улыбкой на лице, сопровождая каждый выпад остроумными замечаниями. Дамы были от него без ума, мужчины восхищались им и очень часто на его «уроки» собирались поглазеть, как на театральное представление или игру в мяч.

Я сам явился к нему не без опасений – вовсе не был уверен, что он захочет учить меня; единственной отрадой было то, что кошелек, чтобы бросить к его ногам и тем самым оскорбить, у меня не имелось. Он, однако, отнесся ко мне с симпатией – он говорил мне потом, что ему редко доводилось видеть в человеческом лице такое сочетание дерзости, отваги и ранимости, какое продемонстрировала ему моя восемнадцатилетняя физиономия. Он стоял там, в своей знаменитой на весь город длинной, узкой, полутемной и заставленной, как и положено, доспехами и штандартами оружейной, и улыбался: весь в тени, солнечный блик сверкал лишь на обнаженном клинке в его небрежно отведенной в сторону правой руке. Высокий, гибкий, невыразимо опасный и немислимо обаятельный, он излучал лихость и силу. Он был взрослым, уверенным в себе, на нем была белоснежная рубашка и сапоги мягкой кожи, его темные глаза блестели в полумраке, загадочные и смеющиеся, как у цыгана. Он воплощал все, чем хотелось быть мне. Я хотел быть похожим на него – полно, я хотел быть ИМ. Он взялся учить меня, и наша первая «дуэль» прошла под одобри-

тельные возгласы зрителей: всегда та и уроков умели узнавать его настроение и видели, что со мной он сражается с удовольствием. Выбив из моих рук шпагу (неизбежный и предсказуемый финал), он перехватил ее, дугой летевищу через зал, в воздухе и, сжав клинок затянутой в перчатку рукой, передал мне с легким поклоном и широкой улыбкой – и предложил вина. Денег он с меня не взял: когда я заикнулся о плате, ответом была вопросительно-возмущенно поднятая бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.